

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ имени ПАТРИСА ЛУМУМБЫ

Кафедра иностранных языков гуманитарных специальностей

В О П Р О С Ы
ГРАММАТИКИ, ЛЕКСИКОЛОГИИ
И СТИЛИСТИКИ
РОМАНО-ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

(в помощь изучающим теоретические курсы)

Сборник статей

845882

Москва — 1976

К ВОПРОСУ О ФРАНЦУЗСКОМ АРГО

С. Г. САХАДЗЕ

Установить происхождение слова «арго» никому из ученых еще не удалось, хотя и были сделаны попытки, и по этому поводу высказывались весьма остроумные гипотезы¹. Достоверно известно лишь то, что с 1628 г. словом «арго» называли «братию нищих и попрошаек профессионалов»². В дальнейшем этим словом стали называть жаргон, то есть тот особый, засекреченный, язык, который был понятен только данной группе людей.

В настоящее время значение слова «арго» очень расширилось, и уже речь идет о военном арго, спортивном, школьном, студенческом, техническом, парижском и т. д.

Если проследить за историей развития арго, то первые сведения о нем восходят к XIII в.— Золотому веку французской литературы. Приблизительно с 1270 г. у воров, мешеников, бродяг и нищих был свой язык, понятный только им и редким людям, посвященным в их дела³. Этот язык назывался «жаргоном» (*jargon*) и означал он «щебетанье» (*gazouillement*). Считалось, что на жаргоне говорит тот, кто обращается к богу без всякого душевного усердия и не очень-то хочет быть им услышанным⁴. В дальнейшем слово «жаргон» было вытеснено словом «арго». После XIII в. о жаргоне и

¹ См. подробно об этом ст. C. C a s c i a n i, J. La R u e. Dictionnaire d'argot et de locutions populaires précédé d'une histoire de l'argot. P., 1948.

² J. R i v e g a i n. Chroniques de l'argot. P., 1963.

³ Об этом подробно см. цит. работу J. R i c e g a i n, а также D-r J. L a c a s s a g n e et P. D e v a u x "L'Argot du milieu".

⁴ "Qui prie Dieu sans dévotion de coeur lui parle en gergo et non pour estre entendue", G. E s n a u l t. Dictionnaire historique des argots français. P., 1965.

произведениях, написанных на нем, ничего неизвестно до XV в¹. В XV же в. появляются мистерии, драматические произведения, в основе которых лежат религиозные темы, но произведения эти были написаны в весьма реалистическом духе. В них довольно часто встречаются те или иные жаргонные словечки, вложенные в уста солдафонов или палачей. В 1455 г. во время одного судебного процесса было обнаружено, что преступники говорили на своем особом языке. Более того, в XIX в. было найдено одиннадцать баллад, написанных на этом жаргоне, который назывался «jobelin». Есть мнение, что если не все эти баллады, то во всяком случае шесть из них принадлежат Бильону. Большая часть из них не расшифрована и по сей день². Из 200 слов «jobelin», значения большинства которых неясны, только около 20 вошли в состав современного арго. Так, например, *andosse* (*dos, m.*), *aubert* (*agent*). Некоторые из них проникли в общефранцузский литературный язык. Среди этих слов можно назвать *dupe*, *des dés*, *des cartes*, *riper*, *trucquer* и др.³.

В конце XVI в. появляются книги «La Vie généreuse des Marcelotz» (1596) и «Le Jargon de l'argot réformé» (1625), откуда можно узнать о существовании жаргона бродячих торговцев и нищих. Эти работы снабжены словарем и переиздавались до середины XIX в.

XVIII в. не дает почти никакого материала по арго, но, начиная с середины XIX в., появляется большое количество работ, произведений и словарей, где широко представлено арго. Самым значительным памятником арго этой эпохи является словарь Видока «Mémoires et voleurs» (1828, 1836). Основным источником для создания этого словаря послужили воровское арго и некоторые произведения В. Гюго, О. де Бальзака и Е. Сю.⁴

¹ C'est surtout à partir de la seconde moitié du XV siècle que les documents linguistiques sont assez nombreux pour nous permettre de préciser ce que fut le language employé par les malfaiteurs de cette époque, D-r J. La-cassagne, цит. раб., с. XIII.

² См. об этом M. Schwoeb. Le Jargon des Coquillards en 1455, Mémoires de la Société de linguistique de Paris, P., 1892, t. VII.

³ Интересны названия некоторых инструментов, о которых говорит Лакассань в цит. раб. "...outils dont certains se nommaient comme encore aujourd'hui — rossignols, d'autres daviers, d'autres crochets", XV.

⁴ Интересно мнение Ш. Брюно о языке В. Гюго и об арго того периода. "Vers 1830, l'argot des malfaiteurs était un language "affreux"; il fallait un Hugo, amoureux de la force et ne reculant devant aucun moyen d'expression, pour oser introduire dans le roman littéraire ce qu'on a appelé depuis "la langue verte".

Ce furent les Mémoires de Vidocque (1828) qui révélèrent à Hugo et au grand public l'argot des malfaiteurs...". Ch. Bruneau, F. Brunot. "Histoire de la langue française", t. XII, p. 400. Cf. C Casciani, цит. раб. "Séduits

В XX в. интерес к арго продолжал возрастать как со стороны языковедов¹, так и со стороны писателей. По мнению Лакассаня, создателями литературы, написанной на арго, являются Richepin, Courteline, Rosny-aîné, Charles-H. Hissch, M. Schwob, F. Carco и др.

В настоящее время авторов, пишущих на арго, очень много. Исключительный интерес с языковой точки зрения представляет собой язык произведений Queneau, и особенно San-Antoni (Frédéric Dard). В отношении последнего можно говорить об индивидуальном авторском арго, которое получило широкое распространение во Франции. Нельзя не согласиться с мнением Р. Эскарни, который ставит San-Antonio по новаторству в языке на один уровень с Рабле². Размышляя над языком этого очень плодовитого писателя, невольно задаешь себе вопрос: что такое современное арго? Каковы причины, способствующие его развитию? Не ставя в данной статье вопроса о том, в каком соотношении находится арго с народным и фамильярным стилями речи (*language populaire, language familier*), поскольку он

irrésistiblement par la pittoresque énergie des vocables, par la farouche et hardie vivacité du tour, par les tropes audacieux, la richesse des métaphores et la splendeur des métonymies, par la justesse des images nos grands écrivains V. Hugo, E. Sue, Balzac, Zola, Richepin presque tous les romanciers populaires, se sont emparés de l'argot et l'ont mis dans leurs œuvres, lui donnant ainsi, comme l'a fait Villon pour le jargon du XV siècle, une consécration littéraire. Montaigne avant eux l'avait admiré et le préférait à un langage plus raffiné: "J'aimerais mieulz que mon fils apprinst aux tavernes à parler qu'aux écoles de la parlerie" (53).

¹ См. работы: L. Sainéan. L. Argot ancien, P., 1907; Les Sources de L'argot ancien, P., 2, vol., 1912; Le language parisien au XIX, P., 1920; G. Esnault. Le poilu tel qu'il se parle, P., 1919; Dictionnaire hist. des argots br. P., 1965; A. Dauzat. Les Argots. P., 1928; E. Chautard. La vie étrange de l'argot, P., 1931; D. J. Lacassagne et P. Devaux. L'Argot du milieu, P., 1948; J. La Rue. Dictionnaire d'argot ... P., 1948; J. Galtier-Boissière et P. Devaux. Dictionnaire historique, étymologique et anecdotique de l'argot, P., 1952; G. Sanfray et M. Cartère. Dictionnaire de l'argot moderne, P., 1953; P. Guiraud. L'Argot P., 1956; J. Riverain. Chroniques de l'argot, P., 1963; M. Rheims. Dictionnaire des mots sauvages (écrivains des XIX et XX siècles), P., 1969 и др.

² "Il (т. е. San-Antonio, — Ред. наша) restera comme restera le 'Canard Enchaîné', parce qu'il est déjà en nous, parce qu'il est ancré dans notre language, parce que le monsieur respectable parle déjà sanantonien sans le savoir grâce à la filière qui passe par ses enfants et petits-enfants. J'aime-rais qu'un jour on étudie la langue de San-Antonio. Depuis Rabelais, peu d'écrivains ont su manier le mot comme lui. Son argot personnel s'élève parfois au niveau d'une véritable création poétique..."

Je souhaite qu'il ne recule jamais ni devant l'à-peu-près, ni devant le calembour vulgaire, si telle est sa fantaisie, pourvu qu'il garde la joie du foisonnement verbal, de la danse et de la contredanse des syllabes, des doubles sens des synonymes, paronymes et antonymes" Предисловие к роману S.-A. Le standinge selon Bérurier, P., 1965.

сам является предметом отдельного исследования, отметим, что современное французское арго представляет собой своеобразный язык, созданный на основе общефранцузского языка, питаемый им, и который давно вышел за рамки узкого употребления¹.

Развитию современного французского арго способствуют различные факторы, и в первую очередь стиль и язык романов развлекательного характера². Поскольку одной из характерных черт, свойственных арго, является постоянное обновление, освежение словаря, то на него оказывают также большое влияние все неологизмы прессы, песни, иностранные фильмы и т. п.³.

Для современного французского арго наиболее характерно обогащение его словаря за счет синонимов и суффиксального словообразования. По данным 10-томного словаря «Larousse», современное французское арго насчитывает около 5 000 слов⁴, которые служат для обозначения очень небольшого числа понятий. Так, в качестве примеров можно привести следующие синонимы ниже указанных существительных, прилагательных и глаголов:

argent (деньги) — michon, carme, douille, artiche, pognon, galette, galtouze, carlo, monacos, pépettes, picaillons, plâtre, radis, ronds, beurre, blé, auber, ferraille, japonais, mornifle, morningue, braise, fric, oseille, pèze, flouss, grisbi;

ivre (пьяный) — noir, schlasse (chlassé), canaque, chocolat, goudronné, chasse, beurre и др.;

mourir (умереть) — calançher, claboter, clameler, claquer, crampser;

¹ Ср. определение арго, данное Эно в предисловии *Dictionnaire historique et étymologique des argots français*. Р., 1965. "Ensemble oral des mots non techniques qui plaisent à un groupe social".

² Достойна внимания характеристика, данная М. Rheims этому жанру и его языку: "Aux environs de 1935, les auteurs de romans policiers changent radicalement de style, et de language de De Flers et Caillavet qui convient fort aux aventures d'Arsène Lupin, semble mièvre donéravant aux amateurs de sensations fortes, drogués, "choqués" chaque jour un peu plus par un cinéma expressionniste. Les "polards", c'est ainsi que l'on nomme les romans policiers en 1966, regorgent d'argotismes ou de néologismes d'une richesse savoureuse". *Dictionnaire des mots sauvages (écrivains des XIX et XX siècles)*, Р., 1969, p. 27.

³ Подробно об этом см. цит. раб. M. Rheims. *Dictionnaire des mots sauvages*. Р., 1969.

⁴ Словари арго дают большее число слов (около 8 000 слов) G. Sandry et M. Carrère. *Dictionnaire de l'argot moderne*, Р., 1953, p. 7. "Cet ouvrage argotique contient 8 000 vocables environ, choisis, parmi les plus récents mots en usage ou les expressions imagées, cueillies une par une sur le pavé parisien".

camarade (товарищ) — mec, meg, mecton, pote;
fou (сумасшедший) — loufoque, louf, loufingue, tingo, dingue, dingo, maboul, chouravé;

tête (голова) — le chou, le ciboulot, le crâne, la bouille, la poire, le bada, le citron, la bonbonnière à idées;

mome (ребенок) — chiard, (chiare), gosse, lardon, loupiot, mignard, mioche, morbac, morpion, moucheron, moufflet, moujgue, sale, momignard, têtard, moutard-moutar;

voiture (машина) — bagnole, bahut, chignole, tarane, clou, berlingot, tapecul, tacot, guimbarde, tire;

agent de police (полицейский) — flic, slicard, bourre, condé, roussin, vache;

arrêter (арестовать) — se faire bondir, arcpincer, agrafer, agricher, agriffer, baiser, choper, coffrer, cueillir, emballer, empaqueter, entechiber, enchrister, engerber, gauler, harponner, mettre le grappin dessus, paumer, pincer, piper, poisser, rafler, ramasser, sauter и др.;

s'en aller, s'enfuir, se sauver (уйти, убежать, удрать) — se débiner, mettre les bouts, calter, décaniller, décarrer, déhotter, démarrer, démurger, dévisser, en jouer un air, jouer rip, les agiter, les mettre, les cannes, les voiles, se barrer, se carapater, se casser, se cavaler, s'espigner, s'évanouir dans le brouillard, se faire la paire, se tailler, se trisser, se trotte.

Наиболее характерными суффиксами для образования существительных и прилагательных являются суффиксы:

-ingue (sourdingue — sourd, burlingue — bureau, salingué — sale, pardingue — pardessus, lourdingue — lourd, louftingue — fou, moujingue — jeune garçon);

-oche (cinoche — cinéma, pénicilloche — pénicilline, téloche — télé bidoche — ventre, viande, pianoche — piano, bavoche — bavard, valoche — valise, malloche — malle, dégourdoche — dégourdi);

-ouse, ouze (piquouse — piqûre, perlouse — perle, virouse — virage, barbouse — barbe, montrouse — montre, bagouse — bague, cravatouse — cravate, bathouze — beau, joli).

По-прежнему продуктивен суффикс.

-ard (dossard — dos, bobinard — tête, chambard — chahut, méquard — commandant, potard — pharmacien, charognard, salopard — vaurien, cambrousard — paysan, faiblard, motard — motocycliste, chauffard, clébard — chien, costad — costume, vicelard — malin, rusé, perniflard — pernod, chatouillard — accélérateur, barbousard — barbu, bidonnard — ventre, boocard — coléreux, bombard — frustre, camlard — camion, chap-

lard — chapeau, crassouillard — crasse, criard — accordéon, crobard — petit enfant и др.

Весьма значительное распространение в современном французском арго имеют также суффиксы существительных и прилагательных:

-aga (род существительного сохраняется) la fumaga — la fumée, le pouлага — le poulet, (le) pernaga — (le) pernod ou apéritif à base d'anis, (le) pastaga — (le) pastis, boisson — anisée, couaga — beau, chouette;

-ouille (всегда женского рода) cambrouille — campagne, tambouille — cuisine, larmouille — larme, bisouille — un baiser, crassouillette — crasse;

-ette, -iette (всегда женского рода) larmette — larme, bannette — tablier, blanquette — blanchisseuse, mauvette — faible;

-ot, -go, -got (всегда мужского рода) pageot — page, culot — toupet, vicelot — ruse, largeot — large, dingot — fou, parigot — parisien, sergot — sergeant;

-ille(s) — écoutilles, f — oreilles, douilles, f — cheveux, clilles, m — client;

-ance (всегда женского рода) Préfектance — la Préfecture de police, bûchance, buquance — travail, conobiance — connaissance, cuistance — cuisine, dansance — danse, fondance — atelier de fonderie;

-caille — blancheaille, f — lanchisseuse, blèchecaille — fâcheux, bouscaille, f — boue, buffecaille, m — ventre, Franche-caille — France;

-asse — viandassee, f — viande, godasse, f — soulier, conasse, colasse — femme ou homme bête, bobinasse, f — tête, hor-nasse, f — élève studieux à l'excès, caillasse, f — tête, fumasse — furieux;

-anche — cendranche, f — cendre, calanche, f — un cas de décès sur la voie publique, boutanche, f — bouteille.

Кроме этих широко распространенных суффиксов есть и такие, которые мало продуктивны, но ярки по своей стилистической окраске. Слова с этими суффиксами охотно используются авторами в художественных целях¹. К этим суффиксам следует отнести:

-of (по мнению Гастона Эно, русского происхождения) maboul of — rusé, lapinskof, m — lapin;

-ski — lapinski, m — lapin;

¹ См. цит. раб. Г. Эно. Dictionnaire..., p. 401.

-esque — canularesque, adj. qui tient du canular; rodéesque — прилагательное, образованное от глагола roder (*être rodé*) и имеющее значение «опытный», но это же прилагательное легко воспринимается как производное глагола «*rôder*». Поэтому оно приобретает особую стилистическую нагрузку, которая заключается в игре слов и которая так характерна для языка San-Antonio; «...le malin San-A. prompt comme les deux fameux duettistes Buffalo et Bill, a, d'un mouvement rodéesque, passé la boucle ainsi constituée au cou de l'homme demeuré près de moi»¹. Колоритно и красочно выглядит и прилагательное «Alibabesque», написанное автором с большой буквы в следующей фразе из того же романа San-Antonio: «Prof et King viennent de franchir le seuil de la grotte Alibabesque. Des grilles aux barreaux plus gros que les jambons de Mostar s'interposent entre les joyaux et la vie courante»².

Нельзя не обратить внимание на то, что в современном французском арго словообразование часто идет уже на базе элементов (корень и суффикс), принадлежащих с давних пор самому арго — lourde (дверь) — lourdière (привратница), vioque — vioquard (старик), esgourdes (уши) — esgourder (слушать), boutanche (бутылка) — boutancher (любить выпить), bûchance — bûchante (работа), picter — pictancher (выпить). Не меньший интерес представляет собой и процесс наслаждения суффиксов. В одном слове можно обнаружить два-три суффикса. Например, в слове mouchique два суффикса — ouch (mouche)-и -ique-, а в прилагательном chiquoquandard — три: -ique, -quand, -ard.

В основе развития, главным образом синонимии и частично суффиксального словообразования, лежат заимствования из старофранцузского, из древних и новых иностранных языков, внешние фонетические изменения слов, изменения значения слов или замена одного слова другим, взятого довольно произвольно, употребление слов-образов (сюда относятся: метафора, метонимия, аллегория).

Трудно обойти молчанием еще один древнейший источник обогащения словаря арго — закодирование форм. Суть его заключается в изменении фонетической структуры слова. Так, например, начальную букву — согласную переносят в конец слова, перед новым словом ставят согласную «l», а иногда добавляют еще и суффиксы либо -ique, -oque, либо -em- (l'agonji=jargon, loucherbem=boucher, loufoque=fou). Часто в

¹ San-Antonio. Ma langue au chah. P., 1956, 194.

² Ibid., 28.

дальнейшем такой способ образования новых слов превращался в простую игру. Сейчас он, по мнению названных исследователей современного французского арго, больше распространен в иросторечье, чем в арго.

Все эти слова, созданные разными способами, придают счену большое своеобразие арго и делают его привлекательным. Не случаен тот факт, что на нем стали писать многие современные французские писатели. И более того, увлеченные обилием синонимов, живым суффиксальным словоизводством, гибкостью и другими языковыми возможностями арго, они сами стали развивать, обогащать и пропагандировать его. Достойны внимания слова благодарности знаменитого французского писателя Жана Кокто, сказанные им в адрес Альберра Симонена, известного автора и составителя словаря арго: «Vous m'avez puissamment aidé à la découverte d'une langue vivante, au beau milieu de notre époque à demi-morte de fatigue à force de se perfectionner ou de courir en rond... Bref, en marge des intellectuels, race néfaste et tueuse de rois (j'allais écrire de poètes), paraissent des livres dont les titres désinvoltes correspondent mal avec ce qu'ils contiennent et dont l'intrigue compte moins que la manière de la raconter, à l'exemple des grands peintres pour qui le modèle importe moins que la façon de s'en servir. J'ai eu la révélation de cette renaissance de l'encre avec Lemmy Caution, sa langue en relief que même les aveugles peuvent comprendre... Ensuite, je me suis plongé dans les Presses de la Cité et autres collections à couvertures multicolores. J'ai découvert, sous ces couvertures, une vivacité perdue, la pointe d'un verbe qui s'ovalise à l'usage»¹.

Действительно, язык произведений, написанных на арго, очень ярок, эмоционален и самобытен. Если обратиться к произведениям, хотя бы уже упомянутого здесь San-Antonio, то в его языке можно найти не только такие слова, которые еще не успели зарегистрировать в словарях (например, слово *biffton* — билет), но и большое количество интереснейших оборотов речи типа «Amène ta mère que je te refasse»². Сравнения его всегда свежи, неожиданны, метки и актуальны: «et n'y a pas besoin d'être sorti de l'Ecole de Mines pour deviner que là-dessous elle est nue comme un gigot de mouton». «Petit ballet de représentants effectuant leur entrée dans un salon grand comme l'aéroport d'Orly», «Je l'ai vu dégringoler deux bouteilles de Beaune, ... il doit avoir un foie que si j'étais micro-

¹ A. Simonin. Le petit Simonin illustré, lettre-préface de Jean Cocteau
P., 1957.

² San - Antonio. "J'suis comme ça".

be je voudrais pas y passer mes vacances»¹ «...un mouchoir, c'est pas comme une épouse, ça ne se prête pas;»² Неистощим он и в отношении каламбуров. Например, слова bouleau (береза), boulot (работа), lot (участь) он обыгрывает так: «Bérurier est scientifique. Il attache l'autre bout de la corde au tronc d'un bouleau (le tronc des pauvres en sommes, le boulot étant leur lot); cher (дорогой), chair (плоть), chaire (кафедра): «Le cher Bien en chair quitte sa chaire», значения глагола «se servir» — «A quoi ça te sert d'avoir une tête si tu ne t'en sers pas»³.

В его книгах можно найти забавнейшие случаи народной этимологии (son arbre zoologique=son arbre généalogique; son violon d'Inde=son violon d'Ingré; les maladies wagnériennes, vénétiennes вместо vénériennes; dans sa Ford intérieur=dans son for intérieur⁴ и т. д.).

Даже беглый анализ некоторых черт языка San-Antonio свидетельствует о том, что он интересен читателю и интересен, в первую очередь, с точки зрения языка. Интерес к его языку ведет к распространению и укоренению слов и словосочетаний, принадлежащих арго. Поэтому неудивительно, что «Petit Larousse» 1974 г. ввел большое число слов, взятых из арго, и сделал пометку «populaire». Значительно реже встречается пометка «familier». Ср. следующие слова из словаря apro G. Sandry, M. Carrière и «Petit Larousse»: bagnole — voiture, bécano — bicyclette, bath — beau, bien, joli, came — drogues, caidchef, cave — niais, chialer — pleurer, châleur — pleurnicheur, chiasse (avoir la chiasse=avoir peur), chignole — voiture, piger — comprendre, faire la pige — dépasser, môme — enfant, lardon — enfant, bidoche — viande, bidule — désordre и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

- F. Brunot. Histoire de la langue française, t. XII. P.,
E. Chautard. La vie étrange de l'argot. D., 1931.
A. Dauzat. Les Argots. P., 1928.
G. Esnault. Le poilu tel qu'il se parle, P., 1919.
G. Esnault. Dictionnaire historique des argots français, P., 1965.
R. Escaprit. San-Antonio, Le standinge selon Bérurier. P., 1965.
P. Galtier-Boissière Deraux. Dictionnaire historique étymologique et anecdotique de l'argot. P., 1952.

¹ San-Antonio. "J'suis comme ça".
San-Antonio "Le Sandinge...".

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ФРАНЦУЗСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

A. Г. НАЗАРЯН

О национальном своеобразии фразеологии

Фразеологизация как лингвистическое явление универсальна, ибо фразеогизмы свойственны всем языкам. Тем не менее в каждом языке она имеет свои особые формы выражения. Объясняется это тем, что фразеогизмы, будучи раздельнооформленными языковыми образованиями, по сравнению с единицами низших уровней,— фонемой, морфемой, словом — обладают более сложной лексико-грамматической и особенно смысловой структурой, в образовании которой в гораздо большей степени участвуют экстралингвистические и этнолингвистические факторы. Эти факторы играют важную роль в формировании и развитии фразеологических единиц, обуславливают их национальный характер. Все это дает нам основание считать, что фразеология — отрасль языкоznания, где особенно ярко отражено национальное своеобразие языка.

Национальный характер французской фразеологии прежде всего подтверждается преобладанием в ней исконно французского элемента. Это результат того, что ее пополнение и обогащение на протяжении всей ее истории происходило преимущественно за счет собственных ресурсов. Правда, в фразеологический фонд французского языка входит также определенное количество устойчивых словосочетаний, заимствованных из других языков, но их удельный вес сравнительно невелик. Не подлежит сомнению, что большинство француз-

ских фразеологизмов возникло на национальной основе и явилось плодом многовековой умственной и духовной созиадательной деятельности французского народа и его творческого гения¹.

Национальное своеобразие фразеологии обнаруживается при изучении любого ее аспекта. При этом важно подчеркнуть, что подобное своеобразие присуще не только отдельно взятому фразеологизму. Как правильно отмечает В. Г. Гак, «национальными особенностями обладает и фразеологическая система языка в целом»².

В чем конкретно проявляется различие фразеологической системы двух или более языков, можно установить лишь при их сопоставительном изучении. Само собой разумеется, что это различие будет тем глубже, чем отдаленее генетическая связь сопоставляемых языков. И наоборот, чем ближе сопоставляемые языки, тем больше сходных черт обнаружат они в области фразеологии. Однако можно с уверенностью сказать, что фразеологические системы даже самых родственных языков полностью не совпадают. Это в большой мере объясняется связью фразеологии с системой данного языка, которая не может дублировать систему другого языка или быть дублированной ею. Эта мысль четко сформулирована в следующем высказывании Э. И. Левинтовой и Е. М. Вольф: «Концентрация в фразеализмах грамматических и лексико-семантических расхождений между языками приводит к тому, что даже при значительной близости систем родственных языков их фразеологические системы никогда не накладываются друг на друга»³.

Национальное своеобразие французской фразеологии проявляется в структурно-грамматических, лексических, стилистических, фонетических и семантических особенностях фразеологических единиц.

В плане грамматическом это своеобразие выражается в преобладании в фразеологической системе французского языка определенных структурных типов фразеологических единиц или в наличии структурных типов, характерных только

¹ Это относится также к фразеологическому составу других языков. См.: у А. В. Куннина: «...фразеологизмы в английском языке, так же, как и в других языках, — это создание народа, проявление его мудрости и лингвистического чутья» (Кунин А. В.. Фразеология современного английского языка. М., 1972, с. 22).

² Гак В. Г. Беседы о французском слове. М., 1966, с. 249.

³ Левинтова Э. И., Вольф Е. М. О связи фразеологии с системой языка. — В кн.: Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Тезисы докладов межвузовской конференции. Череповец, 1965, с. 5.

для французского языка. Ср. глубоко специфичный для этого языка структурный тип фразеологизма, состоящий из глагола и предшествующего ему прилагольного объектного местоимения (*en vouloir à qn., y être, la faire à qn., les mettre*); авербильные фразеологизмы с абсолютной конструкцией (*la mort dans l'âme, la main dans la main, la queue entre les pattes*) и др. Нужно также отметить большую способность фразеологических единиц французского языка к морфологическим и синтаксическим изменениям в речи.

В плане лексическом характерной особенностью французской фразеологии является широкое развитие вариантиности, приводящей к образованию фразеологических вариантов. Это, очевидно, связано с аналитическими тенденциями французского языка, нашедшими свое отражение и в области фразеологии.

Не меньший национальный колорит придают фразеологическим единицам и их стилистические особенности. Последние в значительной степени определяются теми стилистическими средствами, которые наряду с собственно-лингвистическими (лексико-грамматическими и семантическими) участвуют в образовании фразеологических единиц. В частности, во французском языке очень употребительны фразеологизмы, в основе которых лежит игра слов (каламбур), антифраза или гипербола. Ср.: *raisonner comme un tambour crevé* «нести вздор» (игра слов: *raisonner* «рассуждать» и *résouner* «звучать»), *aimable comme une porte de prison* «очень неприветливый» (антифраза — букв. приветлив, как тюремная дверь), *remuer ciel et terre* «лезть из кожи вон; перевернуть все вверх дном» (гипербола)¹.

Национальное своеобразие французских фразеологизмов можно обнаружить также в их фонетических (в частности, эвфонических и метрических) особенностях.

Однако наиболее ярко национальное своеобразие французской фразеологии проявляется в семантических особенностях фразеологических единиц, в их смысловом содержании. Это своеобразие выражается в большей или меньшей по сравнению с другими языками распространенности определенных способов и путей образования фразеологических единиц, в отсутствии некоторых способов образования, встречающихся в других языках, или в наличии подобных способов и путей, характерных только для французского языка, в семан-

¹ Подробнее об этом см.: Назарян А. Г. Лексико-стилистические и эвфонические средства образования фразеологических единиц во французском языке. — В кн.: Вопросы стилистики и лексикологии романо-германских языков. М., 1974, с. 40—46.

тической классификации фразеологизмов, не совпадающей с аналогичной классификацией других языков, и т. д.

Как уже говорилось, экстравербальные и этнолингвистические факторы играют большую роль в возникновении фразеологических единиц. В самом деле, французская фразеология тесно связана с историей, культурой и бытом французского народа, в ней воплощены его дух, психология и способ мышления, что наложило свой отпечаток на смысловую, содержательную сторону указанных единиц, в основе которых лежат преимущественно образы, специфичные для французского языка, часто связанные с реалиями.

Вышесказанное находит свое отражение в дословной непереводимости фразеологических единиц. Действительно, большинство этих единиц переводится на другие языки с помощью фразеологических эквивалентов, построенных на иных образах. Например, французскому фразеологизму *prendre des vessies pour des lanternes* (букв. принять пузыри за фонари) в русском языке соответствует словосочетание *попасть пальцем в небо*. Однако во французском языке встречаются фразеологизмы национальные не только по своей образной основе, но и по обозначаемому понятию. Такие фразеологизмы не имеют ни фразеологических, ни словесных эквивалентов в других языках, поэтому переводятся описательно. Например, выражение *faire danser l'anse du panier* (букв. заставлять плясать [то есть трястись] ручку корзины), глубоко специфичное для французского языка, переводится на русский язык «обсчитывать хозяев на покупке провизии». Если с этой точки зрения сравнить фразеологический состав двух языков, то нетрудно заметить, что не все понятия, для выражения которых в одном языке существуют фразеологизмы, представлены и в фразеологии другого языка. Например, для обозначения долгого и томительного ожидания во французском языке существуют три фразеологизма — *croquer le marmot* (разг.), *faire le pied de grue*, *faire antichambre*, в то время как в русском языке нет ни одного. Точно так же во французском языке нет фразеализма для характеристики чего-либо назойливо предлагаемого в неумеренном количестве, обозначаемого по-русски словосочетанием *демьянова уха*. Подобное явление, очевидно, объясняется тем, что каждый язык отбирает и осваивает преимущественно такие фразеологизмы, которые соответствуют его духу, психологии и образу мышления.

Приведенные факты служат еще одним доказательством национального своеобразия фразеологии. Учет этого своеобразия является непременным условием любых фразеологических исследований. По этой же причине при разработке и ре-

шении проблем фразеологии нужно исходить прежде всего из специфики данного языка, из анализа конкретного языкового материала. Универсальной теории фразеологии, применимой ко всем языкам, не может быть. Вот почему результаты исследования фразеологических явлений для разных языков могут быть разными, что вполне закономерно.

Сказанное не исключает наличия некоторых фразеологических явлений и закономерностей, общих для разных языков. Изучение их, несомненно, важно, особенно для решения ряда общелингвистических проблем фразеологии, например, таких, как проблема соотношения фразеологизма и слова, проблема выделения фразеологического уровня и др. Однако нужно подчеркнуть, что наличие общих фразеологических явлений не может заставить национальный характер фразеологии и тем более поставить его под сомнение.

Связь фразеологии с другими отраслями науки

Для фразеологии характерна широкая и многосторонняя связь почти со всеми отраслями филологической науки. В. Н. Телия дает следующее объяснение этой связи: «Поскольку материал фразеолога (речь) теснейшим образом связан с другими видами деятельности человека, сопровождающими речь, то и адекватное определение сущности фразеологизмов как продукта речевой деятельности не может быть найдено без данных целого ряда смежных наук...»¹. Фразеология является своего рода синтезом филологических дисциплин. Правда, степень и характер этой связи варьируют в зависимости от данной отрасли. Разумеется, более тесно фразеология связана с лингвистическими дисциплинами, и в первую очередь с лексикологией, семантикой и грамматикой.

Связь фразеологии с лексикологией обусловлена прежде всего тем, что «строительным материалом» для нее служит слово. Недаром фразеология родилась в недрах лексикологии и долгое время рассматривалась (и до сих пор некоторыми исследователями рассматривается) как один из ее разделов. В самом деле, фразеологический и лексический составы языка обнаруживают много общих черт. Эта общность проявляется в различных областях: в области грамматики (фразеологизм и слово могут обладать морфологическими признаками и выступать в предложении в качестве его членов); в области словообразования (фразеологизм и слово могут слу-

¹ Телия В. Н. Что такое фразеология. М., 1966, с. 29.

жить основой для образования новых слов); в области онома-сиологии (фразеологизм и слово могут обозначать явления объективной действительности, связанные с различными видами деятельности человека) и т. д. О близости и взаимозависимости фразеологии и лексикологии говорит также тот факт, что функционирование и развитие фразеологической единицы в значительной мере определяются особенностями ее лексического состава. Это объясняется тем, что слова-компоненты фразеологизма, сохраняют многие свойства, присущие им как единицам лексического уровня.

Сказанное, однако, вовсе не дает оснований ставить знак равенства между фразеологизмом и словом. Как справедливо указывает В. Н. Телия, «наряду со сходными чертами фразеологизмов и слов имеется целый ряд глубоко принципиальных различий между ними»¹. Говоря об этих различиях, следует прежде всего отметить, что, хотя компоненты фразеологизма не перестают быть словами, их употребление приобретает специфический характер², они «утрачивают свою предметную соотнесенность, не могут выделяться как члены предложения и не могут сочетаться или соотноситься с другими членами предложения, с которыми сочетается или соотносится фразеологизм в целом»³. Учет этих и подобных различий является необходимым условием ограничения объекта фразеологии от объекта лексикологии.

Однако некоторые языковеды игнорируют принципиальные различия, существующие между фразеологизмом и словом, чрезмерно преувеличивая при этом общность их черт. Так поступают, в частности, исследователи, рассматривающие фразеологическую единицу как эквивалентную слову. Теория эквивалентности фразеологизма слову, возникшая под влиянием теории идентификации Ш. Балли, основана на одностороннем понимании соотношения фразеологизма и слова, на смешении и отождествлении функциональных признаков этих двух языковых образований, в результате чего фразеологическая единица фактически трактуется как раздельнооформленный вариант слова⁴. В подтверждение этой идеи сторон-

¹ Телия В. Н. Что такое фразеология. М., «Наука», 1966, с. 29.

² См.: Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956, с. 207.

³ Кунин А. В. Английская фразеология. М., 1970, с. 141.

⁴ Ср.: у З. Н. Левита: «Нужно отметить, что как поговорка, так и аналитическая лексическая единица представляют собой эквиваленты слов, равнозначные в функциональном отношениициальному слову» (Левит З. Н. К проблеме аналитического слова в современном французском языке. Минск, 1968, с. 12).

ники упомянутой выше теории ссылаются на функциональную близость фразеологизма слову, на частичное, а иногда и полное совпадение их синтаксических функций, равно как на способность фразеологизмов некоторых типов выступать в качестве того или иного члена предложения. Однако эти доводы малоубедительны, они не всегда подкрепляются фактами.

Прежде всего, нужно отметить, что далеко не все фразеологизмы во французском языке имеют словесные эквиваленты¹, во многих случаях их значение можно передать только с помощью словосочетания. Что касается совпадения синтаксических функций некоторых фразеологизмов и слов, то это еще не является доказательством эквивалентности фразеологизма слову, ибо «в качестве того или иного члена предложения могут использоваться не только слова и фразеологические единицы, но и устойчивые сочетания нефразеологического характера и даже переменные сочетания слов...»². Из этого следует, что эквивалентами слов могут быть не только фразеологизмы, но и другие сложные языковые образования, что само по себе исключает возможность для понятия эквивалентности служить критерием выделения объекта фразеологии.

Другой не менее существенный недостаток теории эквивалентности, заключается в игнорировании семантических различий между фразеологизмом и словом, обусловленных главным образом большей сложностью семантической структуры фразеологизма по сравнению с аналогичной структурой слова. В результате подобного игнорирования к фразеологии причисляются совершенно разнородные в семантическом отношении словосочетания.

Правильное понимание и определение соотношения фразеологизма и слова возможно только на основе всестороннего сравнительного анализа структурных, функциональных и семантических признаков этих двух языковых единиц, который показывает, что по указанным признакам **фразеологическая единица никогда полностью не совпадает со словом**. Вот почему правомернее говорить не об эквивалентности, а о соотносительности фразеологизма со словом. Теория соотносительности, как показала исследовательская практика, гораздо плодотворнее, ибо она позволяет выявить специфику

¹ В связи с этим небезинтересно отметить, что согласно данным, приведенным в статье Кунин А. В. «За дальнейшее укрепление позиции фразеологии как лингвистической дисциплины» (Тр. Самаркандск. гос. ун-та, нов. сер., вып. 219, «Вопросы фразеологии», V, ч. I, 1972), в английском языке лишь около трех процентов фразеологизмов имеют лексические синонимы.

² Кунин Н. В. Указ. соч., с. 18—19.

фразеологии как качественно нового языкового образования.

Итак, признавая тесную связь фразеологии с лексикологией, все же нельзя не видеть тех принципиальных различий, которые существуют между этими двумя лингвистическими дисциплинами.

Слова сами по себе еще не делают данное словосочетание фразеологическим. Все зависит от того, в какие смысловые отношения они вступают друг с другом. Стало быть, всесторонний анализ и глубокое раскрытие специфики этих отношений являются важнейшей задачей фразеологии, что и определяет связь этой дисциплины с семантикой.

Между компонентами фразеологической единицы, так же как между компонентами любого словосочетания, существуют определенные грамматические отношения. Эти компоненты могут подвергаться различным морфологическим и синтаксическим изменениям, как нормативным, так и окказиональным. Исследование указанных отношений и их изменений имеет большое значение для выявления условий и закономерностей функционирования фразеологизмов в речи. Отсюда связь фразеологии с грамматикой.

Непосредственное отношение к фразеологии имеет и стилистика. Дело в том, что большинству фразеологических единиц кроме денотативного значения присуща и стилистическая коннотация, ввиду чего они употребляются в речи как средства образной и экспрессивно-эмоциональной характеристики, широко используются писателями для создания художественных образов. Фразеологические единицы являются также одной из отличительных черт функциональных стилей языка. Все это определяет важность изучения стилистических свойств фразеологических единиц, равно как необходимость учета этих свойств при решении фразеологических проблем. Большой интерес, который представляет данный аспект фразеологии, привел к тому, что в настоящее время мы являемся свидетелями зарождения нового и весьма перспективного ее раздела — фразеологической стилистики.

Изучение фразеологии невозможно без учета ее исторического развития, ибо «анализ семантического и структурного признаков фразеологической единицы непременно обращает поиски в сторону момента исторического их становления»¹. Если историко-сематический анализ необходим для изучения фразеологии даже в синхронном плане, то еще важнее его

¹ Толкина Е. Н. О системном соотношении терминологического сочетания и фразеологической единицы. — В сб.: Проблемы фразеологии, М.—Л., 1964, с. 161.

значение для диахронических исследований в области этой дисциплины. И в том и в другом случае фразеология нуждается, хотя и в разной степени, в данных **этимологии**.

На первый взгляд, может показаться, что фразеология не имеет ничего общего с фонетикой. Но это не так. Компоненты фразеологической единицы подобно отдельным словам в своем историческом развитии могут претерпевать фонетические изменения, которые затем фиксируются в написании. Знание этих изменений — необходимое условие для эффективного изучения семантической структуры фразеологических единиц, особенно если принять во внимание, что фонетические факторы иногда играют значительную роль в возникновении этих единиц. В каждом языке встречаются фразеогизмы, образование которых основано на использовании эвфонических средств — рифмованных созвучий, аллитераций и т. п. (ср.: в русск. языке — *сами с усами, гол как сокол*; во франц. языке — *sage comme une image* «тише воды, ниже травы», *bel et bien* «поистине, совсем, начисто»; в англ. языке — *game and glee* «веселье, сплошное удовольствие», *by hook or by crook* «не мытьем, так катанем» и т. д.). В зависимости от специфики исследуемого языка фонетические факторы могут определить решение некоторых важных теоретических проблем фразеологии. Так, Н. М. Шанский считает основным признаком, ограничивающим фразеологические сращения в русском языке от слов, их акцентологическое оформление¹. Все это говорит о связях фразеологии с фонетикой.

Наконец, многообразие сфер жизни, с которыми связаны фразеологические единицы как своим происхождением, так и своим употреблением в языке, обусловливает связь фразеологии с психологией, историей и литературой, в том числе с различными их отраслями (этнографией, мифологией, фольклором и т. д.).

Методы исследования фразеологии

Характерной чертой фразеологии является то, что она, так же как язык в целом, находится в постоянном развитии. Как справедливо отмечает В. Г. Гак, «...фразеология представляет собой подвижный, вечно обновляющийся участок лексики»². Динамика ее развития ощущается не только в диахронии, но

¹ См.: Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1969, с. 36.

² Гак В. Г. Указ. соч., с. 249.

и в синхронии. Следовательно, при изучении фразеологии нужно применять такие методы, которые соответствуют ее динамичной природе.

Возможно ли изучение фразеологии одним лишь синхронным (статическим) методом, как это пытаются делать некоторые современные исследователи?

На этот вопрос следует ответить отрицательно.

Дело в том, что для динамичной природы фразеологической единицы характерны активные лингвистические процессы, в частности семантические, которые происходят на всех этапах ее истории, определяя условия существования, развития и функционирования этой единицы. Установление причин и закономерностей упомянутых процессов имеет первостепенное значение для изучения теоретических основ фразеологии и является ее важнейшей задачей. Однако добиться этого одним синхронным методом невозможно, ибо этот метод, как известно, предусматривает лишь описание языковых явлений, но не их объяснение.

«Недостаточно изложить факты,— пишет А. Сеше,— необходимо также их объяснить и найти их причину»¹. Это положение в полной мере относится к фразеологии. Если изучение некоторых лингвистических дисциплин возможно чисто синхронным (статическим) методом, то такой метод неприменим к фразеологии, ибо ни одну проблему, касающуюся фразеологических единиц, нельзя решить без глубокого осмысления того, что обусловило образование и развитие этих единиц. По этому поводу Н. Н. Амосова справедливо отмечает: «Даже не задаваясь целью прослеживать историческое развитие фразеологических единиц и оставаясь в рамках синхронии, мы не можем не учитывать динамику этого развития в применении к наличному составу устойчивых словосочетаний..., ибо эта динамика скрыта в любом отрезке жизни языка»².

Специфика фразеологической единицы такова, что, даже изучая эту единицу в синхронном плане (например, при исследовании ее структурно-грамматических особенностей), мы всегда имеем перед собой ее генетический источник — свободное или лексически устойчивое словосочетание, от которого невозможно полностью абстрагироваться. Это словосочетание для фразеологической единицы является ее прошлым состоянием, ее историей. Вот почему любое изучение фразеологической единицы фактически основано на сознательном или подразумеваемом сопоставлении (или противопоставлении) этой

¹ Séchéhaye A. Les trois linguistiques saussuriennes. — "Vox Romanica", 1940, N 5, p. 31.

² Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. ЛГУ, с. 110.

единицы с ее свободно-сintаксическим вариантом¹, на фоне которого она выявляет свою сущность. Связь фразеологической единицы с ее генетическим источником еще ярче проявляется при изучении семантических особенностей этой единицы, не говоря уже об этимологических исследованиях в области фразеологии. Здесь находит свое подтверждение выдвинутое в советском языкоzнании положение о том, что изучение языка на любом этапе его развития является историческим, ибо «в каждом данном состоянии языка есть такие факты, которые, с точки зрения более позднего состояния, представляются его зародышем»². Все это обусловливает необходимость исторического подхода к фразеологическим явлениям, позволяющего рассматривать эти явления диалектически.

К сожалению, в этом вопросе нет единого мнения среди языковедов. Достаточно сказать, что сам основоположник фразеологии Ш. Балли не только отрицал необходимость исторического подхода к фразеологическим явлениям, но даже считал его вредным для исследования этой лингвистической дисциплины. Будучи представителем синхронической лингвистики, он рассматривал фразеологию исключительно в ее статике, утверждая при этом, что «слишком глубокие лингвистические познания мешают проникновению в дух языка»³. С подобным тезисом вряд ли можно согласиться. Говоря о породивших его причинах, Р. А. Будагов пишет: «У автора „французской стилистики“ он [этот тезис.—А. Н.] был вызван односторонним пониманием синхронного состояния языка, будто бы совершенно отрешенного от тенденций его исторического развития. Между тем всякие познания в области языка, в том числе и в сфере исторического прошлого, способствуют пониманию языка, тех или иных его особенностей»⁴. Следует добавить, что этого одностороннего понимания синхронии, о котором пишет Р. А. Будагов, не лишены также некоторые современные языковеды, стремящиеся изучать фразеологию исключительно при помощи статических, формальных методов. Однако факты показывают, что всякие попытки решить проблемы фразеологии методами, противоречащими природе фразеологической единицы, неминуемо обречены на неудачу. Именно так можно расценить известный в лингви-

¹ Под свободно сintаксическим вариантом фразеологической единицы понимается сочетание слов одинакового лексико-грамматического состава, явившееся прототипом, генетическим источником этой единицы.

² Винокур Г. О. О задачах истории языка. Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та, т. 5, вып. 1, 1941.

³ Балли Ш. Указ. соch., с. 101.

⁴ Там же, с. 10.

стической литературе тезис И. А. Мельчука о понятии устойчивости.

И. А. Мельчук определяет устойчивость сочетания «вероятностью, с которой данный элемент предсказывает совместное появление остальных элементов сочетания (в определенном порядке относительно предсказывающего элемента)»¹. В результате такой трактовки понятия устойчивости, основанной на полном игнорировании смысловых отношений между компонентами словосочетания, к разряду устойчивых причисляются не только фразеологизмы, но и свободные словосочетания. В этой связи В. Г. Гак пишет: «Невнимание к плану содержания приводит к тому, что, например, в той же статье И. А. Мельчука несвободные сочетания (термины типа «удельный вес») оказываются в одной рубрике с совершенно свободными сочетаниями типа *белая стена* или *мы ждем*»².

Отметим, что подобных «устойчивых» сочетаний великое множество в любом языке, в том числе и во французском. В качестве примера можно привести первое и второе число множественного числа французских глаголов, а у некоторых неправильных глаголов и третье лицо множественного числа. Ср.: *nous attendons*, *vous attendez*, *ils vont*. Согласно концепции И. А. Мельчука, эти глагольные формы следует признать устойчивыми сочетаниями на том основании, что в них глагол в данном лице может выступать только с одним определенным личным местоимением. Если учесть, что во французском языке свыше восьми тысяч глаголов, то нетрудно себе представить, какая огромная масса свободных словосочетаний попадает в состав фразеологии.

Критикуя упомянутый выше тезис, А. В. Кунин пишет: «И. А. Мельчук в своем понимании устойчивости, так же как Л. Ельмслев, совершенно игнорирует как исторический, так и семантический факторы»³. И далее: «Игнорирование значения приводит И. А. Мельчука к существенным ошибкам в анализе конкретного языкового материала. Так, при разборе сочетания *выносить сор из избы* указывается, что в этом словосочетании ни один из элементов не предсказывает остальных с достаточно большой вероятностью, но два элемента вместо (*выносить сор*) уже предсказывают остальные. Если бы И. А. Мельчук не рассматривал данное словосочетание как голую структуру, а учитывал, что оно значит *разглашать семейные, внутренние раздоры, дрязги*, то он пришел бы к дру-

¹ Мельчук И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность». — «Вопросы языкознания», 1960, № 4, с. 73.

² Гак В. Г. Указ. соч., с. 237.

³ Кунин А. В. Указ. соч., с. 82.

гому выводу, а именно, что слова *изба* и *сор* на 100% предсказывают словосочетание именно в данном значении¹.

Из вышеизложенного следует, что чисто синхронный (статический) метод непригоден для решения проблем фразеологии. Кроме того, фразеология — дисциплина слишком сложная и многоаспектная, чтобы изучать ее одним методом. Для этой цели нужно использовать различные методы, причем в зависимости от исследуемого аспекта преобладающим может быть тот или иной метод. При всем их разнообразии, однако, эти методы должны быть основаны на принципах диалектического материализма, что предполагает:

- а) исторический подход к фразеологическим явлениям;
- б) учет динамики развития фразеологии как в диахронии, так и в синхронии;
- в) всесторонний анализ исследуемых фразеологических явлений, рассмотрение этих явлений в их многообразии и противоречиях;
- г) учет специфики исследуемого языка, и в первую очередь особенностей его фразеологической системы.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. ЛГУ, 1963.
Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
Будагов Р. А. Проблемы развития языка. М.—Л., 1965.
Виноградов В. В. Из истории русской лексики и фразеологии. — Докл. и сообщ. Ин-та языкоznания АН СССР, вып. 6, 1954.
Винокур Г. О. О задачах истории языка. Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та, т. 5, вып. 1, 1941.
Гак В. Г. Беседы о французском слове. М., 1966.
Жуков В. П. О смысловом центре фразеологизмов. Тезисы докладов совещания по проблемам фразеологии и задачам составления фразеологического словаря. Л., 1961.
Кунин А. В. Английская фразеология. М., 1970.
Мельчук И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность». — «Вопросы языкоznания», 1960, № 4, с. 73—80.
Назарян А. Г. Роль семантических факторов в формировании и развитии фразеологизмов французского языка. А. К. Д. М., 1968.
Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.
Теляев В. И. Что такое фразеология. М., 1966.
Толикина Е. Н. О системном соотношении терминологического сочетания и фразеологической единицы. — В кн.: Проблемы фразеологии. М.—Л., 1964, с. 150—172.
Чернышева И. И. Принципы систематизации фразеологического материала современного немецкого языка. — В сб.: Язык и стиль. М., 1965.

¹ Кунин А. В. Указ. соч., с. 83—84.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В ЧИЛИЙСКОМ ВАРИАНТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

A. B. СИНЯВСКИЙ

Изучение метафорического употребления названий животных носит не только научный, но и несомненный практический характер. Незнание значений метафорического употребления нередко приводит к ошибкам при переводе, связанным с отсутствием соответствующих исследований по данной теме¹.

Метафорическое употребление названий животных — зоометафоризация — явление часто встречающееся не только в общеиспанском языке, но и в испанском языке американского ареала, где оно служит одним из показателей особенностей семантического развития слова в латиноамериканском варианте испанского языка.

С точки зрения своего распространения зоометафоризмы, так же, как и вся лексика в целом², могут быть подразделены на: 1) общеиспанские, 2) латиноамериканские («американизмы»), 3) зональные (зона Анд, зона Ла Платы и так далее), 4) национальные («чилинизмы», «перуанизмы» и так далее).

¹ Например, в рассказе чилийского писателя Б. Лильо «Чурка и Гвоздик» (Б. Лильо. Пост. № 12. Рассказы. М., 1962, с. 138, пер. Н. Снеткова) слово «ganso» переводится буквально «гусь», хотя в данном случае правильнее было бы перевести «ganso» словом «дурак», «болван» — то есть переносными значениями, которые имеет данная лексическая единица в испанском языке Чили.

² О классификации лексики испанского языка см.: Степанов Г. В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963, с. 48. Его же: Некоторые соображения по поводу лингвистических терминов «американизм», «иберизм». — В сб.: Общее и романское языкознание. МГУ, 1972, с. 106.

Общеспансими зоометафоризмами являются слова, метафорические значения которых одинаковы как в Испании, так и в странах американского ареала. К ним можно отнести такие слова, как «*hígga* исх. «ослица» — перен. знач. «глупая, неотесанная женщина», «*terpelia* и *trabajadora* исх. «терпеливая и трудолюбивая женщина»; «*ostra* исх. «устрица» — перен. знач. «занудный, скучный»; «*león* исх. «лев» — перен. знач. «смелый, властный»; «*lince* исх. «рысь» — перен. знач. «проницательный, предусмотрительный» и многие другие.

Зоометафоризмов, употребляющихся в равной мере и в одном и том же значении во всех испаноговорящих странах Латинской Америки («американизмов»), относительно немного. Приведем следующие примеры:

«*chancho*» исх. «свинья» — перен. знач. «грязный, толстый»;

«*gorila*» исх. «горилла» — перен. знач. «горилла» в политическом значении слова;

«*ricaflor*» исх. «колибри» — перен. знач. «настойчивый поклонник».

Наиболее многочисленными являются примеры зональной и локальной (национальной) метафоризации, когда одно из переносных значений слова употребляется в группе стран — «зональные американизмы» — или ограничено рамками одной страны — «национальные американизмы»:

«*bagre*» исх. «вид пресноводной рыбы» — перен. знач. (Бол., Ч., Кол., Экв., Перу, Ла Плата) «некрасивая, неприятная женщина», (К.-Р.) «проститутка», (Бол., Ч., Экв., Перу) «неприятный, антипатичный человек», (Гват., Гонд., Сальв.) «умный, ловкий, проворный»;

«*caparío*» исх. «канарейка» — перен. знач. (Арг., Куб., Пар., П.-Р.) «желтый цвет», (Ч.) «человек, щедро дающий чаевые»;

«*palomilla*» исх. «ночная бабочка» — перен. знач. (Гонд., Ч., М.) «группа маленьких бродяг, хулиганы», (Ч., Перу) «бездомный парень, вор или хулиган» (Ч.), «озорник».

Задача данной статьи — изучение метафорического употребления названий животных в чилийском варианте испанского языка, то есть «чилинизмов», созданных путем зоометафоризации. Однако прежде чем перейти к рассмотрению конкретных семантических новообразований испанского языка Чили, необходимо рассмотреть в общих чертах некоторые внешние причины появления семантических различий в испанском языке Испании и стран Латинской Америки.

Процесс зоометафоризации неоднороден, в чем мы можем убедиться на примере почти любой словарной статьи, и разни-

ца значений, принятых в Испании и странах Латинской Америки, весьма существенна.

Основной причиной семантических расхождений слова являются различные способы переноса его значения и варьирование признаков, берущихся за отправную точку семантических изменений. Однако следует отметить и определенную роль частотности употребления слова, которая находится в прямой зависимости от следующих условий:

1. Наличие общих животных с общими названиями. В этом случае семантические расхождения связаны с различными путями метафоризации слова.

Например:

Общеиспанское значение	Употребление в странах Латинской Америки
«liebre» исх. «заяц» — <i>перен.</i> знач. «пугливый, трус»;	(Бол.) «слабый»
«zorgzal» исх. «дрозд» — <i>перен.</i> знач. «осторожный» (о человеке);	(Бол., Ч.) «простофиля»
«chicharrga» исх. «цикада» — <i>перен.</i> знач. «болтун, болтушка».	(Экв.) «собрание домашних или слуг» (Ч.), «весельчик»

2. Наличие (обитание) животных в одном из ареалов — в Испании или Латинской Америке (в первую очередь это относится к странам Латинской Америки, фауна которых значительно богаче), но известных в обоих ареалах и имеющих общие названия. При этом в связи с редким употреблением слова возможности метафоризации в одном из ареалов резко сокращаются. Кроме того, это создает предпосылки для большего расхождения значения слова в случае его одновременной метафоризации в Испании и Латинской Америке.

Например:

Общеиспанское значение	Употребление в странах Латинской Америки
«caímán» исх. «кайман» — <i>перен.</i> знач. «хитрюга»;	(Ч.) «ленивый», (Бол.) «глупый»
«guanaco» исх. «гуанако» — <i>перен.</i> знач. не имеет;	(Ц.-Ам.) «разиня, ротозей»
«picaflor» исх. «колибри» — <i>перен.</i> знач. не имеет.	(Ц.-Ам., Ю.-Ам.) «настойчивый поклонник»

3. Наличие животных и их названий, неизвестных в одном из ареалов (это также, как правило, относится к странам Латинской Америки). В этом случае, в силу того, что уже в исходном лексическом материале «междиалектные» соответствия отсутствуют, семантические новообразования происходят в одностороннем порядке.

Например:

«*chincol*» исх. (Ю.-Ам.) «певчая птица» — перен. знач. (Ч.) «низорослый» (о человеке);

«*tiuque*» исх. (Арг., Ч.) «хищная птица» — перен. знач. (Ч.) «пижон, лентяй»;

«*quírquincho*» исх. (Ю.-Ам.) «броненосец» — перен. знач. (Бол.) «щербатый, рябой человек», (Ч.) «злой, раздражительный».

4. Наличие общих животных с различным словесным оформлением их названий в Испании и странах Латинской Америки. Так, например, если в Испании слово «свинья» переводится как «cerdo», «рюегсо», то в испанском языке Америки более употребительным эквивалентом этого слова является «chancho». В этом случае даже при одинаковом для обоих ареалов семантическом развитии («свинья» — перен. знач. «грязный, толстый») слово «chancho» — перен. знач. (Ам.) «грязный, толстый» — неизбежно попадает в разряд «американизмов».

Подобные типы американанизмов могут быть ограничены более узкими географическими рамками.

Например:

«*ratón*» исх. общесп. «мышь» — (Арг., Ч.) исх. «laucha» — «мышь» — перен. знач. (Арг., Ч.) «худой, мелкий» (о человеке);

«*alondra*» исх. общесп. «жаворонок» — (Арг., Ч.) исх. «тепса» — «жаворонок» — перен. знач. (Ч.) «ложь, обман».

Если рассматривать процесс зоометафоризации в рамках одной страны (в данном случае Чили), тогда к противопоставлению по отношению к общеспанскому языку добавляется противопоставление со всеми остальными национальными вариантами испанского языка стран Латинской Америки. В связи с этим к четырем вышеперечисленным условиям, которые могут в той или иной степени повлиять на процесс зоометафоризации, следует добавить:

5. Наличие животных (или их подвидов), специфических для одной страны, при условии, что названия этих животных неизвестны в остальных испаноговорящих странах. Семанти-

ческие новообразования, следовательно, также будут происходить в одностороннем порядке.

Для Чили можно привести следующие примеры:

«*chuncho*» исх. (Ч.) «вид совы» — перен. знач. (Ч.) «суеверный, приносящий несчастье, пугливый»;

«*chógo*» исх. (Ч.) «вид попугая» — перен. знач. (Ч.) «болтун, шумный» (о человеке);

«*reiso*» исх. (Ч.) «коршун» — перен. знач. (Ч.) «вор» (чаще всего о человеке, который ворует кур или других домашних птиц).

Зоометафоризмы чилийского варианта испанского языка

Анализ зоометафоризмов чилийского варианта испанского языка (для этой цели из общего числа собранного лексического материала было отобрано 84 лексемы, на основе которых и строится дальнейшее изложение)¹ показал, что семантические новообразования этого типа, наблюдаемые в Чили, создаются на основе:

Общеиспанских слов: «*buitre*» («хищный», о человеке)², «*ganso*» («дурак, болван»), «*pulpo*» («обманщик, надуватель, кровосос»).

Зональных американцев: ³ «*laucha*» («худой, мелкий», о человеке), «*chincón*» («низкорослый», о человеке), «*tenca*» («ложь, обман»), «*quíguincho*» («злой, раздражительный»).

Чилинизов: «*chógo*» («болтливый, шумный»), «*chuncho*» («суеверный, пугливый»), «*jote*» («неблагодарный»), «*reiso*» («вор»), «*ltago*» («бедняк, несчастный, нищий»).

Следует отметить, что процесс метафоризации при этом распространяется не только на человека (таких чилинизов большинство), но и переносится на сферу вещей:

«*burga*» исх. общесп. «ослица» — перен. знач. «старый автомобиль»;

¹ Материал для исследования был собран во время пребывания в Чили. В дальнейшем он был уточнен и выверен по литературным источникам и словарям.

² В скобках даются значения, принятые в Чили «чилинизы».

³ Вопрос «зональных американцев» слабо изучен и критерии их выделения весьма противоречивы. В данной статье под термином «зональный американец» понимается любая группа стран, где то или иное слово имеет распространение (например: Арг., Ч., М., Бол., Пер., Куб., Ю.-Ам. и тому подобное).

«chancha» исх. (ам.) «свинья» — перен. знач. «телега» (ист.);

«guapaco» исх. общесп. «гуанако» — животное из семейства верблюжьих — перен. знач. (Ч.) «полицейская машина типа пожарной для разгона демонстраций сильными струями воды»;

«monos» исх. общесп. «обезьяны» — перен. знач. (Ч.) «пожитки»;

«pato» исх. общесп. «утка» — перен. знач. (Ч.) «литровый бокал для вина» и так далее.

Приобретая новые семантические значения, многие латиноамериканские зоометафоризмы подвергаются процессу словообразования. Новые формы слова создаются по моделям общеспанского языка.

Анализ материала показывает, что данный процесс охватывает практически все части речи. Например:

Существительные

«gallo» (Ч.) студ. жаргон «человек, тип» — «gallada» (Ч.) студ. жаргон. «группа товарищей, друзей»;

«liebre» (Ч.) «микроавтобус» — «liebrero» (Ч.) «водитель микроавтобуса»;

«rájago» (Ч.) «рассеянный» — «rajagón» (Ч.) «рассеянный, тронутый»;

«pololo» (Ч.) «ухажер, парень, жених» — «pololeo» (Ч.) «жениховство»;

«zorgal» (Ч., Бол.) «наивный, простофиля» — «zorzalero» (Ч.) «живущий за чужой счет».

Прилагательные

«zorgal» (Ч.) «живущий за чужой счет» — «zorzalino» (Ч.) «приятный, радостный, доставляющий удовольствие».

Глаголы и глагольные формы

«chuncho» (Ч.) «суеверный, пугливый» — «achuncharse» (Ч.) «испугаться, смутиться»;

«lого» (Ч.) «любопытный, сующий нос не в свое дело» — «logear» (Ч.) «подсматривать, подслушивать, заглядывать, доносить»;

«rájago» (Ч.) «рассеянный» — «apajaronado» (Ч.) «рассеянный, тронутый»;

«sapo» (Ч.) «доносчик, сыщик» — «sapear» (Ч.) «подсматривать, подглядывать».

Следует иметь в виду, что не все новые словообразования опираются на переносное семантическое значение, принятое в Чили. Ряд словоформ приобретает «чилийское» значение.

1) Отталкиваясь от переносного общеиспанского значения, например:

«*topo* общесп., перен. знач. «имитирующий обезьяну» — (Ч.) *перен. знач.* «*topear*» — «бахвалиться»;

«*perro* общесп., перен. знач. «упрямый, упорный, настойчивый в работе или деле» — «*aregado*» (Ч.) *перен. знач.* «упрямый, упорный, настойчивый в работе»; «*aregarse*» (Ч.) *перен. знач.* «воодушевляться — о работе или деле»;

2) метафорического значения, принятого в Латинской Америке или отдельных ее странах (или группах стран): например:

«*pavo*» (ам.) *перен. знач.* «глупый, чванливый» — «*ravicio*» (Ч.) *перен. знач.* «глупый, чванливый, невежественный»;

«*caballo*» (Бол.) *перен. знач.* «неловкий, неуклюжий» — «*casaballado*» (Ч.) *перен. знач.* «невоспитанный, некрасивый»;

«*chivatear*» (Арг., Ч.) *перен. знач.* «кричать, подражая воинскому кличу араукацев», — «*chivateo*» (Ч.) *перен. знач.* «крик, шум, базар»;

«*zorgzal*» (Бол., Ч.) *перен. знач.* «ленивый, пристофиля» — «*zorzalear*» (Ч.) *перен. знач.* «обманывать, выманивать деньги», «оставлять в дураках» — «*zorzalada*» (Ч.) *перен. знач.* «наивный поступок, наивность» — «*zorzalero*» (Ч.) *перен. знач.* «живущий за чужой счет».

Иногда метафорическое значение слова проявляется только в новых словоформах, отталкиваясь при этом от прямого, исходного значения слова, например:

«*cabro*» исх. общесп. «козел» — «*cabrear*» *перен. знач.* (Ч.) «идти, подпрыгивать»;

«*león*» исх. общесп. «лев» — «*aleonar*» *перен. знач.* (Ч.) «дразнить».

Нередко слова женского рода, получая новое значение, «изменяют» своей общеиспанской модели, приобретая несвойственные им словоформы. Так, например, если в общеиспанском языке словам мужского рода «*caballo*» и «*gallo*» в женском роде соответствуют «*ueguia*» и «*gallina*», то в чилийском варианте испанского языка мы встречаемся с формами «*caballa*» *студ. жаргон* — «красивая, привлекательная женщина, девушка» и «*galla*» *студ. жаргон* «девушка, женщина».

Подобное явление становится возможным в случаях, когда новые семантические значения сначала охватывают понятия мужского рода, а затем расширяют сферу своего приложения на понятия женского рода.

Расширение сферы употребления слова за счет переноса его значения с понятий женского рода на понятия мужского рода, как правило, не сопровождается изменением формы слова, а указателем рода в этом случае служит только artikel, например:

«una vaca — un vaca» («дрянь, сволочь»);

«una gallina — un gallina» (общесп. «трусиха — трус»).

По сфере своего употребления рассмотренные чилийские зоометафоризмы в большинстве своем относятся к общенародной лексике, являясь элементами разговорно-обыходной речи.

Но есть среди них и слова *студенческого жаргона* — «gallito» (человек, мужчина, тип), «galla» (женщина, девушка), «caballa» (красивая, привлекательная, хорошо сложенная женщина, девушка); *профессионализмы* — «рэггио» (в знач. «тормоз»); *арго* — «лого» (вор, стоящий на стреме); *просторечия* — «engorilarse» (напиваться, нагрузиться), «vaca» (дрянь, сволочь).

Зоометафоризация, как и метафоризация в целом, осуществляется самыми различными путями:

По внешнему сходству: например, «caballa» (красивая, привлекательная женщина, хорошо сложенная женщина) — с древних времен во многих языках мира красивая, хорошо сложенная женщина сравнивается с лошадью;

по функции: например, «реисо» исх. «коршун» — *перен.* знач. «вор, чаще всего вор, который ворует кур или другую домашнюю птицу», «иггаса» исх. «сорока» — *перен. знач.* «вороватый» (о человеке) — на основании известного пристрастия сорок тащить себе в гнездо разные, особенно блестящие вещи, «quíquinchó» исх. «вид броненосца» — *перен. знач.* «злой, раздражительный» — на основании сравнения с характером животного и так далее.

Встречаются и более сложные пути метафоризации слова, когда оно приобретает новое семантическое значение на основе разного рода ассоциаций или параллелей с другими словами или явлениями действительности.

Так, например, слово «chuncho» исх. «вид совы» приобрело значение «суеверный, пугливый» на основе поверья, что крик совы приносит несчастье, а слово «gorila» исх. «горилла» приобрело значение «пьяника» по ассоциации с общеспаниским сло-

вом «топо», которое в одном из переносных значений также обозначает «пьянка».

Интересен случай с глаголом «zorgalear», где произошло скрещивание переносного значения слова «zorzal» (Бол., Ч.) «простофиля» с общесpanским «zorgalear» «охотиться на дроздов»: «zorgalear» стало восприниматься в Чили, как «охотиться на простофиль», что привело к получению словом «zorgalear» значения «выманивать деньги, обманывать, оставлять в дураках».

Иногда слово проходит длинный путь семантических изменений, когда каждое новое значение опирается на предыдущее, а исходное значение не оказывает какого-либо влияния на все последующие.

Например: «pololo» — «шмель» — «надоедливый, прилипчивый» — «ухажер, парень, жених» (парень, у которого есть девушка).

В процессе зоометафоризации несомненное значение имеет речевой аффект. Анализ материала показывает, что семантические новообразования в области зоометафоризации отражают речевую аффектацию трех видов: отрицательно-оценочного характера, положительно-оценочного и иронического или иронически-пренебрежительного.

Отрицательно-оценочная аффектация наблюдается в основном по отношению к новообразованиям, определяющим моральные качества человека. Однако она может также распространяться на вещи, события и явления отрицательного характера, например:

«Por eso — manifestó — les otorgamos el Huevo de Oro ... por vacas y malas personas». (Puro Chile, 8.VIII.1972.)

(«Поэтому,— произнес он,— мы награждаем их Золотым яйцом ... за то, что они **сволочи и дряни**.»)

«El plan golpista de Septiembre de este año 1972 no fue una chiva, no fue un invento, y fracasó en toda la línea». (E. Labarga. «Corvalan 27 horas».) Santiago, 1972, p. 19.

(«План военного переворота в сентябре 1972 года не был **уткой**, не был выдумкой и потерпел поражение по всем направлениям.»)

«¿Cómo fue posible mantener el silencio de la planeada fuga ... en un pabellón donde había 115 detenidos muchos de los cuales están calificados de «sapos» por los reclusos». (Puro Chile. 2.X.1972.)

(«Как удалось сохранить в секрете запланированное бегство ... в палатке, где было 115 заключенных, многие из которых считались ими **доносчиками**.»)

Качественная оценка положительного характера встречается гораздо реже.

Например:

«Usted mijita está la caballo de buena». (Puro Chile. 20.IX.1972.)

(«Вы, моя деточка, просто великолепны!»)

Аффекция иронического и иронически-пренебрежительного характера — явление довольно распространенное, охватывающее самые разнообразные понятия, вещи, действия.

Например:

«Si teníà familia lo metían a una carretera con sus monos y lo dejaban en la estación más cercana o en un pueblucho». (Julián Cobo. Yo vi nacer y morir los pueblos salitreros. Santiago, 1971, pag. 26.)

(«Если у него была семья, его сажали в повозку со своими пожитками и довозили до ближайшей станции или деревушки».)

«Eran los encargados de robarse las urnas, de acarrear carneros, de pagarles ...» (J. Cobo. Op. cit. pag. 35.)

(«Им (наемным убийцам) было поручено похищать урны, перевозить «баранов», платить им ...»)

Здесь «сарнего» исх. «баран» означает людей, продающих свои голоса на выборах в пользу правых партий; этим словом называют также крестьян, подающих свои голоса за своего помещика (под его давлением) или за кандидатуру, которую он им укажет.

«... anda con pura chaquetita, pero bien amononado, con zapatos mocasin de verano ...» (Puro Chile. 15.VIII.1972.)

(«... ходит в одной курточке, но, прифрантившись, в летних мокасинах. ...»)

В ряде случаев эмоционально-стилистическая оценка почти не ощущается или отсутствует. Это прежде всего относится к названию предметов, вещей: «chancho» — «пылесос, полотер», «liebre» — «микроавтобус», «рего» — «зажим для белья» и т. д., однако встречаются зоометафоризмы этого типа, относящиеся и к человеку, где, как и в предыдущих примерах, исходное значение забывается или отходит на второй план: «cabgo» — «мальчик, парень», «liebrero» — «водитель микроавтобуса» и т. д.

Примеры:

«En un campamento del Norte conocí a una muchachita de quince años que tenía pensado casarse este lunes con su pololo,

el primero que había tenido y de quien no sabía absolutamente nada». (A. Puz. *La mujer chilena*. Santiago, 1972, pág. 35.)

(«В северном шахтерском поселке я познакомилась с пятнадцатилетней девчушкой, которая решила в этот понедельник выйти замуж за своего женниха, который был ее первым парнем и о котором она совершенно ничего не знала».)

«Un grupo de cabritas del Liceo № 13 ... fueron ayer en la matinal a conversar con el Ministro de Educación Aníbal Palma». (Puro Chile. 19.VIII.1972.)

(«Группа девочек из женского лицея № 13 ... отправилась вчера утром на переговоры с министром просвещения Анибалом Пальмой».)

Анализ метафорического употребления названий животных в лексике испанского языка Чили, проведенный на основе отобранного материала (84 лексемы), позволяет сделать некоторые конкретные выводы, а именно:

1. Большая часть семантических новообразований, созданных путем метафоризации названий животных, происходит на базе общеиспанского языка (54,8% от общего числа рассмотренных лексем). Это объясняется тем, что подавляющее число зоометафоризмов образуется на основе названий широко распространенных и часто встречающихся животных.

2. Небольшое число американцев, послуживших основой зоометафоризмов чилийского варианта испанского языка, подтверждает, на наш взгляд, тезис о малочисленности общеупотребительных «американизмов». С другой стороны, 14,2% «зональной лексики» указывают на взаимовлияние национальных вариантов испанского языка соседствующих стран.

3. Данные исследования зоометафоризации лексики Чили опровергают утверждение о том, что национальное своеобразие лексики Латинской Америки достигается в основном за счет заимствований из индейских языков¹. «Индихенизмов» всего 6 — «pololo», «tenca», «tinque», «trago», «chincol», (из мапуче — pul-lu, thenca, thiique, traro, chincol) и «quiquincho» (из кечуа — qirquinchu), что составляет всего лишь 7,1% исследуемой лексики².

В то же время, в связи с тем, что большинство «индихенизмов» (5 из 6) заимствовано из языка мапуче, можно сделать

¹ Индейские заимствования общеиспанского распространения («cáiman», «guapaco», «loro») не учитываются.

² Словоформы, созданные на основе лексики, заимствованной из индейских языков и образованные по моделям испанского языка (например, «pololear-pololeo»), в разряд «индихенизмов» не включались.

вывод об определенном влиянии индейского языка, распространенного на территории страны.

4. Несомненно, большое значение в процессе зоометафоризации играет словообразование (21,4% от общего числа лексем) по продуктивным моделям испанского языка, что косвенно указывает на высокую частотность употребления ряда чилийских зоометафоризмов.

Безусловно, эта статья не претендует на полный охват всех «чилинизмов», образованных путем метафоризации названий животных, и приведенные выше процентные соотношения могут несколько измениться, однако данные опроса и словарей позволяют утверждать, что эти изменения должны быть не значительными.

Учитывая тот факт, что процесс образования зоометафоризмов американского ареала практически не изучен, а также в связи с полным отсутствием каких-либо систематизированных данных об американализмах и чилинизмах этого типа, в заключение статьи дается небольшой словарь наиболее распространенных «чилинизмов», часть из которых была использована в настоящей работе. Думается, что этот словарь может оказать определенную пользу испанистам, интересующимся вопросами лексики и семантики испанского языка стран Латинской Америки. Переносное значение в 1-й и во 2-й графе дается только в том случае, если оно близко по значению с чилийским зоометафоризмом или обнаруживает с ним какое-либо сходство, указывающее на возможность взаимовлияния на развитие семантического значения слова. Если прямое значение отсутствует в общеиспанском языке, оно дается во 2-й или 3-й графе.

**Словарь наиболее распространенных чилинизмов,
созданных на основе метафоризации названий животных**

	Общеспанско е значение	Значение при- даваемое это- му слову в Лат. Америке	Чилизм
buitre	стервятник	(Бол.) ворова- тый	хищник (о человеке)
burga	ослица	—	старый автомобиль, развалина (<i>сущ.</i>).
burgro	осел	—	бокал 250 г. для пива
caballa (caballo)	—	—	1. красивая, привле- кающая, хорошо сложенная девушка, женщина 2. нечто прекрасное, превосходное, вели- колепное

<i>caballo</i>	лошадь		хорошо, прекрасно, великолепно (употр. как прил. и нареч.)
<i>caballo de batalla</i>	любимый конек		
<i>acaballado</i>	человек с лошадиным лицом	(Бол.) неловкий неуклюжий	1. невоспитанный 2. некрасивый
<i>cabra</i>	коза	—	1. девушка, девочка 2. 2-колесная легкая повозка
<i>cabrita</i>	козочка	—	девочка, молоденькая девушка
<i>cabro</i>	<i>арх.</i> козел	—	парень
<i>cabrito</i> (<i>cabro chico</i>)	<i>арх.</i> козленок	—	нацан, малыш
<i>cabrear</i>	загонять коз	—	идти, подпрыгивая, скучать, испытывать скуку
<i>cabrearse</i>		(Арг., Бол., Ч., Куб.) разозлиться, выйти из себя	
<i>cabróp</i>	1. козел 2. рогоносец	(Арг., Гват.) человек, предающий своих компаний или товарищей ради собственной выгоды	содержатель или управляющий публичного дома
<i>caimán</i>	1. кайман 2. хитрюга	(Бол.) дурак	лентяй
<i>canario</i>	канарейка	2. (Арт., Ч., Пар.) П.-Р.) желтый цвет	1. белобрюхий (<i>сущ.</i>) 2. о человеке, щедро дающем чаевые
<i>carnero</i>	баран	1. (Арг., Ч., Пар.) безвольный, безынициативный 2. (Арг., Ч., Пар.) штрейкбрехер	1. купленный голос (на выборах) 2. человек, продающий на выборах свой голос или отдающий его по приказу латифундиста
<i>congrio</i>	морской угорь	—	новобранец
<i>chancho</i>	—	(ам.) свинья	1. полотер 2. пылесос 3. фишка 6×6 в домино
<i>chicharra</i>	1. цикада	(Экв.) собрание домашних или слуг	весельчак
	2. болтун, болтушка		

chincol (mapuche — chincol)	—	(Ю.-Ам.) певчая птица	коротышка
chiva	—	(Ам.) борода	ложь, вранье, утка
chivateo (del verbo chivatear)	—	1. (Арг., Ч.) во- инский клич 2. (Арг., Ч.) подражание кри- ку араукаんцев	крик, шум, базар, свист
choroy	—	—	1. вид попугая 2. болтуны, шумный
chuncho	—	—	1. вид совы 2. человек, принося- щий несчастье 3. северный (<i>сущ.</i>) 4. пугливый (<i>сущ.</i>)
achuncharse	—	—	испугаться, смутиться, застыдиться
galla	—	—	1. девица
gallo	1. петух 2. сильный, храбрый, муже- ственный, на- стоящий мужчи- на	—	2. подруга, любовница человек, тип
gallada	—	—	группа друзей, това- рищей, приятелей (<i>жарг. типа русск.</i> <i>«капелла»</i>)
ganso	1. гусь 2. ленивый, неоп- рятный, грубый, невоспитанный, неспособный, не- ловкий	—	дурак, болван
garza	серая цапля	—	1. человек с длинной шеей 2. узкий бокал для пи- ва
engorilarse	—	—	напиваться
guanaco	гуанако	—	1. грязный (о челове- ке) 2. о человеке, который часто плюется 3. специальная поли- цейская машина для разгона демонстраций сильными струями воды

huiña	—	—	1. дикий кот 2. вор, воровка 1. коршун 2. неблагодарный 3. четырехугольный змей большого разме- ра 4. священник (<i>пре- небр.</i>)
jote	—	—	группа людей, ис- пользующих подходя- щий момент в своих интересах
langosta	1. лангуста 2. то, что раз- рушает или пое- дает что-либо	—	беспорядок, смятение, суматоха
leona	1. львица 2. смелая, реши- тельная, власт- ная женщина	—	
aleonar	—	—	дразнить
liebre	заяц	—	микроавтобус
liebrero	охотник за зайцами	—	водитель микроавтобу- са
loto	попугай	1. (Ам.) бол- тун 2. (Арг., Ч.) судно (мед.)	1. вор, стоящий на стреме (<i>арго</i>) 2. любопытный, сую- щий нос не в свое де- ло (<i>сущ. прил.</i>) 3. бутыль для вина емкостью в 5 л.
lorgear	—	(Ам.) охотиться на попугаев	1. подсматривать, под- слушивать 2. заглядывать 3. доносить
monos	обезьяны	—	пожитки
topo	фигурка челове- ка или живот- ного, сделанная из любого мате- риала	—	
топа	пьянка	—	
topear	подражать, кор- чить рожи	—	бахвалиться
topopopo	—	—	красивый, щеголева- тельный (<i>сущ. прил.</i>)

mono	красивый, привлекательный (в основном о детях)	—	—	
amononarse	—	—	прихорашиваться	
ostra	1. устрица 2. занудный, скучный	—	скряга, жадина	
pájaro	птица	(Арг., Ч.) беззащитный, слабый, тронутый	рассеянный	
rajarón	большая птица	1. (Арг., Ч.) беззащитный, слабый, тронутый 2. (Арг., Ч.) вялый	рассеянный	
aabajaronado	—	—	рассеянный, человек со странностями, слегка тронутый	
rajaeag	1. охотиться на птиц 2. бродяжничать	(М., Кол.) прислушиваться, обращать внимание на что-либо	отвлекаться, быть невнимательным, ловить ворон	
palomilla	ночная бабочка	1. (Ч., Гонд., М.) группа маленьких бродяг	озорник	
palomo	голубиный вор	1. (Ч., Гонд., М.) хулиганы 2. (Ч., Перу), бездомный парень, вор или хулиган		
palomita	голубка	—	коктейль из минеральной воды и анисовой водки	
pato	утка	(Кол., Куб., Гват., Вен.) судно (мед.)	литровый бокал	
pavo	индейка	1. (Ч., Пан., Перу), тот, кто едет или путешествует за чужой счет 2. глупый, чванливый, невежественный	заяц (на транспорте)	
pavuncio	—	—	глупец, невежа	

pavear	—	1. (Арг., Пар., Ур.) говорить глупости 2. (П.-Р.) о человеке, делающем вид, что он работает	отвлекаться, быть невнимательным
perro	—	1. собака 2. упрямый, стойкий, постоянный в работе или деле	1. тормоз (в экипаже) 2. зажим для белья
aperrarse	—	—	воодушевляться, браться со старанием и азартом за какое-либо дело
aperrado	—	—	упрямый, упорный, настойчивый (прил. нареч.)
peuco	—	—	1. хищная птица, похожая на ястреба 2. вор (чаще всего ворующий кур или других домашних птиц) 3. детская игра в коршунов и курицу, защищающую цыплят
pololo (inapuche pul-lu)	—	(Бол.) арх. ухажер, парень, жених	1. шмель 2. утомительный, надоедливый (сущ., прил.) 3. ухажер, парень, жених
polola	—	(Ч., Экв., Бол.) кокетка	девушка, невеста
pololear	—	1. (Ам.) надоеддать 2. (Бол., Ч., Экв., Пер.) ухаживать (за девушкой)	встречаться (о юноше и девушке)
pololeo	—	—	сущ. от предыдущего глагола «жениховство»
polla	1. молодая курица, цыпленок 2. ставка в некоторых карточных играх, которую ставит проигравший 3. девочка	1. (Арг., Ч., Гват., Бол.) сумма всех ставок на скачках 2. (М.) сумма всех ставок при игре в покер	лотерея (в этом значении пишется всегда с прописной буквы)

pollona		(М.) молодая, хорошо физически развитая девушка	девочка
potranca	кобылица до трех лет	—	толстая женщина
potrillo	1. жеребец до трех лет 2. арх. глиняный ночной горшок	—	большой стакан для вина, которое пьют, передавая его по кругу и держа двумя руками
pulpo	осминог, спрут	1. (Арг., Ч.) монополия, трест, концерн 2. (Бол.) вор, спекулянт	обманщик, надуватель, аферист, кровосос
quirquincho (quechua — quirquinchu)	—	(Ю.-Ам.) броненосец	злой, раздражительный (<i>сущ.</i> , <i>прил.</i>)
sapo	жаба	(Бол.) урод	доносчик, сыщик
sapear	—	—	подсматривать, подслушивать
tenca (mapuche — thenca)	—	(Арг., Ч.) вид жаворонка	ложь, обман, афера
tiuque (mapuche — thiueque)	—	(Арг., Ч.) хищная птица	вялый, ленивый, несчастный, пижон
traro (mapuche — tharu)	—	—	1. хищная птица 2. бедняк, нищий
urracá	сорока	—	вороватый (<i>сущ.</i> , <i>прил.</i>)
vaca	корова	—	негодяй, дрянь, сволочь
zancudo	—	(Ам.) москит	худой, тощий, тонконогий, (<i>сущ.</i> , <i>прил.</i>)
zorzal	1. дрозд 2. осторожный, предусмотрительный	(Бол., Ч.) наивный, простофиля	1. обманывать, выманивать деньги, оставлять в дураках 2. жить за чужой счет
zorzalear	охотиться на дроздов	—	живущий за чужой счет (<i>сущ.</i>)
zorzalero	охотник на дроздов	—	наивность, наивный поступок
zorzalada	—	—	приятный, радостный, доставляющий удовольствие (<i>прил.</i>)
zorzalino	—	—	

К ВОПРОСУ О ФОРМЕ „HABRÉ AMADO“ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. М. ФИРСОВА

Испанская система времен на современном этапе развития претерпевает ряд серьезных изменений. Большой интерес в этом плане представляет реализация формы «habré amado».

В лингвистической литературе наблюдается большое разнообразие в ее обозначении: будущее сложное, будущее предварительное, будущее совершенное (*futuro compuesto, futuro anterior, futuro perfecto*). Синонимия в употреблении терминов объясняется неодинаковым подходом к выделению доминантного различительного признака у рассматриваемой формы (признака аналитизма в конструкции формы, признака предшествования будущему либо признака завершенности).

Согласно «идеальной» системе форма *habré amado* служит для выражения предбудущности. При этом, как справедливо указывает Н. Д. Арутюнова, названная форма имеет в качестве точки отсчета ось настоящего. Ось будущего является для нее не точкой отсчета, а ограничителем протяженности действия, его пределом¹. Для данной формы кроме признака «будущее время» релевантными являются: признак предшествования другому действию или моменту в будущем, а также признак завершенности, результативности действия в будущем. Таким образом, описываемая форма осложнена видовым оттенком. В отличие от простой формы будущего это относительная временная форма.

¹ См.: Арутюнова Н. Д. Морфологические категории и структура слова в испанском языке (существительное и глагол). — В сб.: Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970, с. 273.

Характерные синтаксические условия реализации: главное предложение гипотаксиса, содержащего временное придаточное предложение, а также независимые предложения, включающие лексические указатели, уточняющие момент, к которому действие должно завершиться (например, *a estas horas, para el próximo mes, a mi llegada*).

Основная сфера употребления — художественная литература.

Рассмотрим примеры:

Yo te aseguro que cuando las penas y los dolores de este mundo lleguen a punzar siquiera su corazón, habrán destrozado antes mío.

(J. Benavente, pág. 31)

Lalo. Acaban de nombrarme. Veintiuno de junio... ¡A estas horas se habrá firmado ya mi suspenso en Medicina Legal!

(A. Casona. O. C. t. II, pág. 120)

¿Qué hora es?

*Las dos y media... Antes del amanecer los habrán fusilado.
¡Y el sol sale hoy a las cinco y cuarto!*

(J. Izcaray, pág. 36)

Как видно из иллюстрационного материала, коммуникативный эффект анализируемой формы сосредоточен на признаке завершенности будущего действия, предшествующего другому действию или моменту в будущем. Нередко этот признак подкрепляется наречием *ya*.

Следует заметить, что форма будущего сложного обычно реализуется лишь в главных предложениях, находящихся в постпозиции по отношению к придаточным временным предложениям. В главных же предложениях, стоящих в препозиции к придаточным временным предложениям, используется, как правило, форма будущего простого.

— *Vendré* antes de que se haga de noche — dijo — hoy tengo poco trabajo.

(J. A. Raga, pág. 31)

Форме сложного будущего во временном значении обычно присущ дополнительный коннотативный оттенок уверенности в обязательной реализации предстоящих событий.

Однако, и это отмечают ряд испанистов, вышеописанное значение будущего сложного, приписываемое форме по традиции в качестве основного, не отражает действительную картину функционирования данной формы в живом языке как в

письменном, так и в устном: в настоящее время сложное будущее значительно чаще используется в **модальном**, а не во временном значении. По данным И. М. Думбрэвяну, лишь 3,5% формы будущего совершенного выступает со значением предшествования и завершенности в сфере будущего¹.

М. Криадо де Валь по этому поводу пишет следующее: «El interés de la forma compuesta de futuro (*habré amado*), se debe al hecho de que en él se puede estudiar con claridad la transición del indicativo al subjuntivo»².

В свою очередь Х. Сиснерос считает, что в настоящее время значение формы «*habré amado*» представляет собой нечто промежуточное между индикативом и кондиционалом³.

Крайне редкая встречаемость будущего сложного во временном значении объясняется как малой частотой речевых ситуаций, типичных для реализации этой формы, так и наметившейся тенденцией к ее замене другими морфолого-синтаксическими средствами.

Остановимся вкратце на их рассмотрении.

В обиходно-разговорной речи, иногда в языке прессы (латино-американский вариант) и в просторечии, наблюдается употребление формы простого будущего в качестве эквивалента сложного (во временном значении). Данная форма объединяет общий признак — постпозиция по отношению к моменту речи. Попадая в речевые условия, характерные для формы будущего сложного, будущее простое приобретает также признаки, релевантные для будущего сложного, а именно — завершенность действия в будущем и предшествование другому действию или моменту в будущем. Признак завершенности, результативности действия иногда подкрепляется наречием *ya*.

Don Justo. ; Antes de que haya industrias, *crearemos* el Ministerio de Industrias!

(A. Ferreti, pág. 49)

Para 1974 Anapo *tendrá* también varios emisoras y radioperiódicos lo que permitirá desarrollar la gigantesca organización del partido para el debate electoral.

(*El Sol*, N 225, 1973, pág. 2)

P. González. Cuando el Gobernador General, el Rey y el

¹ Думбрэвяну И. М. Грамматическое выражение категории будущего времени в современном испанском языке. АКД, М., 1971, с. 10.

² M. Criado de Val. Fisonomía del idioma español. Madrid, 1954, p. 112.

³ Cisneros J. Lengua y estilo. Lima, 1962, p. 247.

Papá ordenen el traslado definitivo de la villa ya **estaréis** en posesión de las nuevas tierras.

(J. R. Brene, pág. 187)

Отметим, что в описываемом случае с глаголом *estar* использование сложного будущего вообще не характерно.

В синтаксических условиях будущего сложного с данной формой также вступает в синонимические связи как форма настоящего времени, так и форма претерита. Использование указанных временных форм строго ограничено рамками обиходно-разговорной речи и просторечия.

Обратимся к примерам:

Don Ramiro. Lo que te digo es que antes de lo que tengo pensado, esa **cae**, Arturo... ya **está** al caer.

(J. Matas, pág. 25)

Julia. Pero él empeñado en irse para la playa.

Pedro. A lo mejor llega ahorita...

Julia. ¿Ya para que? Cuando llegue ya Adriana **acabó**.

(F. Artiles, pág. 85)

При употреблении претерита ярко проявляется контраст между грамматическим значением формы и окружающим контекстом. Данное значение претерита — переносное, метафорическое, поскольку объективное и грамматическое время здесь не совпадают, а диаметрально расходятся; вследствие этого для описываемой реализации претерита характерна особая экспрессивно-эмоциональная тональность.

С формой будущего сложного конкурируют также такие глагольные конструкции как *estar + participio* y *tener + participio*.

Например:

Ama. Ahora, cuando lleguemos, **tengo** la comida **hecha**.

(F. G. Lorca, pág. 1347)

No te preocunes. Cuando llegues, la carta ya **está escrita**.

(Из опроса информантов)

Любопытно отметить, что в определенных контекстуальных условиях (в основном в эмоционально окрашенных высказываниях — вопросительных и восклицательных предложениях) нередко с вопросительными и восклицательными местоимениями *por qué*, *para qué*, *qué*) сложное будущее иногда вступает в синонимические отношения с формой **перфекта**

(претерита) индикатива. Их денотативные значения сближаются. Различия весьма четко прослеживаются на коннотативном уровне: форма сложного будущего придаст речи особую экспрессивность и эмоциональность. Форма будущего совершенного в этом значении носит разговорный характер, ей присуща ярко выраженная эмоционально-экспрессивная окрашенность.

Обратимся к примерам:

В рассказе крупного перуанского писателя Э. Лопеса Альбухара «Ушанан-Хампи» («Ushanan-Jampí») имеется отрывок, в котором повествуется о том, как мать со страхом прислушивается к малейшему шороху: ее сын пришел повидаться с ней, хотя, если кто-либо об этом узнает, ему грозит неминуемая смерть.

— ¿ Oyes, Cunce? — murmuró la vieja Nastasia...

¿ No oyes?... ¡ Para que **habrás venido**, guagua-yau!

(E. López Albújar. A. C. H., pág. 48)

Julia. Ay, ¡que vida, Dios mío! ¿Para qué yo **habré nacido**?

(F. Artiles, pág. 51)

¡Qué mala suerte! ¿ qué **habré hecho** yo, Dios mío, pa qué me trates así?

(A. Piñeiro, pág. 156)

Как видно из примеров, форма будущего сложного в определенных случаях служит стилистическим целям: она используется для специального выделения действия и его представления как особо значительного.

Как уже отмечалось выше, будущее сложное на современном этапе развития испанского языка в абсолютном большинстве реализаций выступает в **модальном**, а не во временном значении. Она выражает вероятность, предположение, неуверенность. Интересно отметить, что в этом случае во времени плане форма соотносится с планом **прошедшего**. Подобную временную транспозицию можно объяснить тем фактом, что одним из релевантных признаков анализируемой формы является завершенность, результативность действия, а, как известно, понятие завершенности процесса наиболее типично для плана прошедшего. В описываемом значении будущее сложное чаще всего встречается в художественной литературе (главным образом в драматургии и в речи персонажей в прозаических произведениях), а также в разговорно-общедной речи и в просторечии. Функционирует в различных типах синтаксических конструкций.

Подтвердим сказанное примерами:

María. ¿A qué no sabes lo que he comprado?

Yerma. **Habrás comprado** café para el desayuno, azúcar, los panes.

María. No. He comprado...

(F. Carcίa Lorca, pág. 1188)

Yo digo que mamá no le **habrá visto** o se **habrá enfadado** con él.

(G. Martίnez Sierra. C. E., pág. 278)

Cuatro días que no viene. ¿**Habrá ido** al trabajo?

(A. Piñeiro, pág. 139)

¡**Habrá tenido** miedo!, exclamó el joven, cerrando su libro de oraciones.

(G. Adolfo Bécquer C. E., pág. 153)

Después de un segundo dijo, con forzada sonrisa.

¿No lo **habrán sacado** y **mandado** a otro calabozo?

(M. Rojas, pág. 174)

Значение гипотетичности может подчеркиваться наречиями типа quizá, tal vez, acaso.

Julia. ¿No la ha visto nunca?

Santillana. Qu i z á me **habré cruzado** con ella sin fijarme.

(A. Casona O. C., t. I, pág. 692)

Усиливает гипотетичность также соседство с глаголами, содержащими данный признак в своей семантике.

Например:

Mauricio. Supongo que **habrás pasado** un mal rato de nervios, como siempre.

(A. Casona, O. C., t. I, pág. 638)

Helena. Entonces supongo que el doctor le **habrá informado** ya... ¿no?

(A. Casona. O. C., t. I, pág. 584)

Таким образом, поскольку в современном испанском языке функционирование формы будущего сложного во временном значении незначительно по сравнению с ее реализацией в модальном значении, считать его основным представляется неправомерным. В настоящее время форма будущего сложного, наполняясь новым содержанием, постепенно утрачивает свое

категориальное значение. В данном случае можно говорить о начинаяющемся отмирании исконного значения формы «habré amado».

Цитируемые материалы исследования и принятые сокращения

- “Antología del cuento hispanoamericano”. (De M. del Carmen Garcini) La Habana, 1963. — (A.C.H.).
Artiles F. Adriana en dos tiempos. La Habana, 1972.
Belavente J. Teatro, t. VII. Madrid, 1918.
Brene J. Teatro. La Habana, 1970.
Casona A. Obras completas (t. I, II). Madrid, 1961. — (O.C.) “Cuentos españoles” (Selección y prólogo de Ezquiel Vieta). La Habana, 1968. — (C. E.).
Ferretti A. Teatro. Buenos Aires, 1963.
Izcaray J. Las ruinas de la muralla. Paris, 1965.
García Lorca F. Obras completas. Madrid, 1955.
Matas J. La crónica y el suceso. La Habana, 1964.
Parra J. A. Tren minero. Paris, 1965.
Piñeiro A. El descanso. La Habana, 1962.
Rojas M. Hijo de ladrón. La Habana, 1968.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Арутюнова Н. Д. Морфологические категории и структура слова в испанском языке (существительное и глагол). — В сб.: Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970.

Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Грамматика испанского языка. М., 1963.

Думбрэвиу И. М. Грамматическое выражение категории будущего времени в современном испанском языке. А.К.Д., М., 1971.

Киабе Г. С. Об отмирании элементов старого качества — В. Я., 1951, № 1.

Шнейберг И. М. Так называемое будущее «предварительное» (*futur antérieur*) в современном французском языке — «Уч. зап. ЛГУ», № 156, сер. фил. наук, вып. 15, Л., 1952.

Academia española. Esbozo de una nueva gramática española. Madrid, 1973.

Blanch L. Observaciones sobre la sintaxis del español hablado en México. México, 1953.

Cisneros J. Lengua y estilo. Lima, 1962.

Criado de Val M. Fisonomía del idioma español. Madrid, 1954.

Gili y Gaya S. Curso superior de sintaxis española. La Habana, 1968.

Lorenzo E. El español de hoy, lengua en ebullición. Madrid, 1966.

Montes J. Sobre la categoría del futuro en el español de Colombia. “Boletín del Instituto Caro y Cuervo”, Bogotá, 1962, t. XVII.

Rosa Pons J. Introducción a la gramática. La Habana, 1968.

Weinrich H. Estructura y función de los tiempos en el lenguaje. Madrid, 1968.

НЕКОТОРЫЕ ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ БУДУЩЕГО ПРОСТОГО В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. М. ФИРСОВА

Форма будущего простого полисемантична. Она используется и в прямом и в переносном значениях. Может трансформироваться как в область настоящего, так и прошедшего времени. Транспозиция модальности возможна и в сферу побудительной и в сферу потенциально-ирреальной модальности, а также модальности предположения. Остановимся на рассмотрении некоторых частных значений будущего простого, а именно — будущего гипотетического (*futuro hipotético*, *futuro de probabilidad*) и будущего вневременного (*futuro atemporal*).

Поскольку будущее время обозначает действие предстоящее и еще не реализованное, то в его семантике потенциально заложены некоторые модальные оттенки неуверенности и предположения. «*Toda expresión de futuro tiene, en el fondo y por naturaleza un carácter condicional, ... y carácter modal, que puede llegar a excluir el sentido temporal de futuro*»¹. В связи с этим в известных случаях наблюдается транспозиция формы будущего в сферу условного наклонения. Транспозиция влечет за собой в большинстве случаевнейтрализацию основного признака будущего, вследствие чего имеет место перемещение формы будущего в план настоящего гипотетического (главным образом).

¹ Meier H. *Futuro y futuridad*. — “Revista de filología española”, t. XLVIII. Madrid, 1965, pág. 75.

По сравнению с основным значением данное частное значение будущего ограничено определенными речевыми ситуациями или контекстом. Типична прямая речь и соседство как с формой настоящего времени, так и речевая ситуация, указывающая на отнесенность событий к плану настоящего. Весьма часто реализуется в вопросительных конструкциях, поскольку вопрос сам по себе уже предполагает неопределенность. Обратимся к примерам.

Arturo. Y la tía Clementina, ¿qué te parece?
¿Qué edad tendrá tía Clementina?

(A. Casona. O. C., t. I, pág. 311)

Belisa. ¡Pero estas cartas de él! ... mira...
Perlimpin. ¿Quién será ese bello joven?
Belisa. Nadie lo sabe.

(F. García Lorca. O. C., pág. 917)

Zapatero. Tú te creerás que yo no tengo vista, y tengo. Sé lo que haces y lo que no haces, y ya estoy calmado.

(F. García Lorca. O. C., pág. 833)

Поскольку модально окрашенная речь, как правило, чрезвычайно многообразна и многогранна, форма будущего в рассматриваемом значении характеризуется возможностью выражения целой гаммы модальных и экспрессивных оттенков, таких как предположение, вероятность, приблизительность, удивление, недоумение, подчеркнуто вежливое обращение. (Заметим, что в кондиционале эти оттенки получили формальное выражение.)

В следующих примерах форма будущего передает предположение, вероятность, приблизительность.

Por fin se paró un coche en la calle, y yo pensé: ¡Será mamá!

(G. Martínez Sierra, C. Esp., pág. 269)

— ¿No está el señor telegrafista? — preguntó el duque.
— Pues no, señor; pero si ustedes le querian algo, pues se le manda a llamar, que estará en el Casino o en casa de Cuatrodedos.

(J. Amorós, C. E., pág. 203)

La mayor parte del tiempo van silenciosos. Sólo muy de cuando en cuando sueltan, casi a pesar suyo, frases cortas.

— Tarde, ¿no?

— Sí. Serán las dos.

(D. Aguilera Malta, pág. 237)

В нижеприведенных примерах описываемая форма служит для передачи подчеркнуто вежливого обращения.

Doncella. La habitación de la señora ¿no cree usted que deberíamos abrirla? Lleva ya una semana cerrada. El señor **querrá** pasar a verla.

(A. Casona. O. C., t. I, pág. 315)

— Tenga bondad, vea, señorcito; **dirá** cuál es el muelle número diez.

(E. Gil Gilbert, pág. 191)

А в этих примерах форма будущего времени вносит экспрессивный оттенок удивления, недоумения, негодования.

Duquesa. No **querrá** usted decirnos que las montañas escocesas son más divertidas que Londres.

(A. Casona. O. C., t. I, pág. 289)

— Tú tienes un querido... ¡Niégalo! ¡Dios mío, **será** posible!

(A. Bravo, pág. 2)

¿Quién les **meterá** a las mujeres esas ideas en la cabeza?
¡Yo casado con una criadita y con un hijo cualquier día!

(A. Piñeiro, pág. 91)

Признак гипотетичности иногда подчеркивается такими наречиями, как *acaso*, *tal vez*.

¿Será usted un ladrón, *a c a s o*?

(W. Fernández Flórez. C. Esp., pág. 328)

Форма будущего времени в описываемом значении чаще всего встречается со следующими глаголами: *ser*, *estar*, *tener*, *creer*, которые в основном употребляются в 3-м лице единственного и множественного числа. Однако это не означает, что употребление формы будущего в данном случае строго лимитировано отмеченными глаголами¹.

Подкрепим сказанное примерами:

Fabrián debe estar borracho y Antonio se rie como un bobo.
¿Se **reirá** de mí? A lo mejor Corona ha dicho algo cómico.

(A. Piñeiro, pág. 32)

¹ Ср.: Думбрэвиц И. М. Грамматическое выражение категории будущего. АКД, М., 1971, с. 9.

¿ Sabrá Elenita que me mudé?

(A. Piñeiro, pág. 189)

Méndez no es bruto, lástima que tenga la cabeza llena de humo. ¿ De dónde sacará la gente esas ideas?

(A. Piñeiro, pág. 134)

Pocos puertos habrá en España tan llenos de animación y de exotismo como éste.

(P. Baroja, pág. 125)

Интересно заметить, что в современном испанском языке использование гипотетического будущего гораздо шире, чем в современном французском языке, что происходит за счет расширения числа глаголов, употребляемых в данном значении. (Во французском языке реализация гипотетического будущего ограничена, как отмечает М. В. Колотова, только двумя глаголами — *être* и *avoir*.)¹

Как уже отмечалось выше, основным временным планом будущего гипотетического является план настоящего. В то же время представляется неправильным традиционное утверждение о том, что форма будущего в рассматриваемом значении соотносится только с планом настоящего.²

Отнесенность гипотетического будущего к тому либо иному временному плану зависит в ряде случаев от лексического характера глаголов, а также речевой ситуации и временных индикаторов.

Так, в примерах с глаголом *decir* не наблюдается сдвиг во временном плане — план будущего сохраняется:

Sirena.— (Levantándose transfigurada de gozo) ¡ Me has besado, Ricardo! ¿Dirán ahora que yo sueño?, ¿dirán que no me quieres?

(A. Casona. O. C., t. I, pág. 129)

В свою очередь глагол *traer* может выражать временную отнесенность к плану прошедшего.

Vecina Roja. ¡ Títeres!

¡ ¡ ¡ ¡ ¡ ¡ ¡

Vecina Morada. ¡ Títeres!

Niño. ¿ Traerán monos? ¡ Vamos!

(F. García Lorca. O. C., pág. 862)

¹ Колотова М. В. Модальные значения будущего простого и будущего сложного в современном французском языке. АКД, М., 1953, с. 87—88.

² См., напр., J. Rosa Pons. Introducción a la gramática, t. II. La Habana, 1968, p. 55.

Встречаются случаи и с другими глаголами, когда в контекстах, относящих действие к плану прошедшего, значение описываемой формы соотносится с этим планом. Этому способствует наличие речевой ситуации, четко обозначающей план прошедшего, а также соседство с формами прошедшего.

Например:

La puerta se abrió y dos brazos se enroscaron al cuello del proscrito... Apenas Cunce Maille penetró a su casa, un espía corrió a comunicar la noticia al jefe de los yayas.

— Cunce Maille ha entrado a su casa, taita.

— ¿Estás seguro, Santos?

— Sí taita. Nastasia lo abrazó. ¿A quién podrá abrazar la vieja Nastasia, taita?

(E. López Albújar, A. C. H., pág. 47)

Conserje. Esas educandas andan sueltas por el jardín. No respetan nada. La señorita Méndez se ha descalzado y se ha puesto a saltar sobre el césped. ¡Un césped como terciopelo! (Viendo que no le contesta). ¿Qué hacemos, señora directora?

Natacha. Estaba pensando lo feliz que será la señorita Méndez, descalza, por ese césped de terciopelo.

(A. Casona. O. C., t. II, pág. 133)

Временной план будущего иногда не меняется также при наличии специальных лексических указателей или соседстве временных форм будущего. Модальный оттенок предположительности накладывается на временное значение анализируемой формы.

Felipe. Ayer apareció acribillado a balazos mi compañero de la Universidad. Estudiaba Medicina, como yo... No puedo imaginármelo sin vida... ¡Es terrible!

Rolando. Y mañana será alguno de nosotros.

(R. González de Casorro, pág. 184)

Chacha. Adriana y Eduardo van a casarse.

Nena. ¿Serán felices?

Mongo. ¿Podrá Adriana adaptarse por entero a su nueva vida?

(F. Artiles, pág. 244)

Beto. ¿Comprenderá siempre Eduardo sus tropiezos y tratará de ayudarla?

(F. Artiles, pág. 244)

*Madre. Y después de tantos años... ¿qué nos espera?
Padre. No sé. Pero me imagino que será una larga paz.*

(R. González Cascorro, pág. 245)

В латиноамериканском варианте испанского языка, главным образом в просторечии (однако не исключена встречаемость и в обиходно-разговорной речи), эквивалентами простого будущего выступают перифразы *ir a + инфинитив* и *haber de + инфинитив*.

A mi vuelta espero hallar todas las laderas aradas...

— Eso ca... difícil **ha de ser**, patrón.

(J. Icaza, pág. 48)

— ¿Qué, curro, y tú **has de saber** contar cuentos?

(M. Azuela, pág. 41)

В лингвистической литературе, как правило, понятие вневременности, обобщенности связывается с формой настоящего времени. Однако в определенных контекстуальных условиях форма будущего времени в испанском языке, так же, как и в русском, «может применяться для обозначения обычного, постоянного результата вне всяких временных ограничений»¹. Таким образом, имеет место транспозиция формы будущего времени в область настоящего вневременного (обобщающего, в ряде случаев расширенного).

Вневременное будущее имеет несколько сфер применения: типично и специфично оно для научного и официально-делового стилей речи² (формулировки законов, правил, теорем, формулировки различных законодательных актов, приказов); встречается также в художественно-беллетристическом и разговорном стилях речи (в основном в пословицах и поговорках, в составе изречений, афоризмов, сентенций и т. п.)³.

Большая частота использования в научном стиле будущего вневременного объясняется, по-видимому, распространенным здесь рассуждающим характером изложения, выражением в процессе предположения, а также языковой традицией. Форма будущего в описываемом значении характерна и специфична для текстов по различным разделам математики и

¹ Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972, с. 453.

² Употребление формы будущего во вневременном значении в подсистеме законодательных документов отмечает Л. Л. Швыркова в канд. дисс. «Морфолого-синтаксические особенности законодательных документов на материале испанского языка». М., 1974, с. 97, 148.

³ На гномическое употребление формы будущего времени во французской нар semiотологии указывает О. Есперсен. См.: Философия грамматики. М., 1963, с. 10.

физики, что происходит, в частности, за счет большой повторяемости ряда глагольных словоформ, традиционно употребляемых в форме будущего времени, например *será*, *bastará*, *se tendrá*, etc.

Будущее вневременное встречается здесь параллельно с настоящим вневременным, нередко в тождественных (сходих) лексико-грамматических условиях.

Вот примеры из текстов по алгебре и физике:

Luego la solución del sistema **será**: $x=y=2$.

(G. Bruño, pág. 349)

Para sumar varios monomios **bastará** escribirlos unos a continuación de otros con sus signos correspondientes.

(G. Bruño, pág. 53)

El sistema así formado equivale a un condensador, cuya capacidad **será** $C = E_1 C_1$.

(J. Cabrera, pág. 47)

Si los dos términos del binomio son positivos, todos los términos del desarrollo **serán** también positivos.

(G. Bruño, pág. 179)

Следует подчеркнуть, что весьма частыми контекстуальными условиями будущего вневременного в стиле научной речи являются различные условные конструкции.

Si una función es continua, también lo **será** su inversa.

(G. Bruño, pág. 425)

Siendo las coordenadas de Q x e y, **se tendrá** $Q = ax_1 + by + c$.

(G. Bruño, pág. 467)

Si en el solenoide de la figura 191 suponemos que existe un núcleo homogéneo de permeabilidad magnética M, la inducción magnética en su interior **será** $B = \frac{N}{l}$.

(J. Cabrera, pág. 181)

Употребление формы будущего во вневременном значении характерно и специфично также (как уже отмечалось) для официально-делового стиля (в частности, для подсистемы законодательных документов). В то же время экстралингвистическая основа стиля (главным образом предписывающий характер деловой речи) предопределяет наличие в ряде случаев некоторых модальных оттенков в семантике рассматриваемой формы, основным из которых является оттенок долженствования.

Обратимся к примерам:

Art. 105.6 El nombramiento de los empleados municipales se hará conforme al Estatuto que **establecerá** la ley.

(Constitución Política de la República de Chile. (1966, pág. 37)

Art. 105. Las Municipalidades **celebrarán** sesión, con la mayoría de sus Regidores en actual ejercicio, **tendrán** las atribuciones administrativas y **dispondrán** de las rentas que determine la ley.

(Constitución Política de la República de Chile. (1966, pág. 37)

В связи с вышеуказанный особенностью реализации формы будущего в рассматриваемом стиле речи (весьма частое тесное переплетение модального оттенка долженствования со значением обычности, обобщенности, неограниченности временным пределом), передко не представляется возможным спределить (особенно в независимых и главных предложениях), в каком значении выступает форма будущего — в значении вневременном либо в значении будущего побудительного.

Art. 56. Cuando entre la perpetración del delito y la sentencia irrevocable que sobre él se pronuncie, se promulgare una o más leyes que disminuyan la sanción establecida en otra ley vigente al cometerse el delito o la substituyan con otra menor, se **aplicará** la nueva ley.

(Código penal. México, 1962, pág. 23)

По частоте встречаемости в пословично-поговорочных выражениях будущее вневременное значительно уступает настоящему вневременному. Тем не менее его употребление здесь все же имеет место.

Например:

Todo pasará, sólo la verdad quedará.

(Refranes y Proverbios, pág. 13)

De la chispa nacerá la llame.

(Refranes y Proverbios, pág. 25)

Un siglo vivirás, un siglo aprenderás y a la vejez tonto te quedarás.

(Refranes y Proverbios, pág. 10)

В данном использовании форма будущего выступает синонимом настоящего вневременного (обобщающего), здесь она без ущерба для смысла может быть заменена формой настоящего времени; форма будущего в определенных пословично-поговорочных выражениях закреплена традицией.

Характерные синтаксические условия реализации — независимые и условные конструкции. В последних очень часто форма будущего времени, используемая в главной части, сочетается с формой повелительного наклонения, употребляемой в придаточной части конструкции.

Например:

Acuéstate sin cena y amanecerás sin deuda.

(Refranes y Proverbios, pág. 22)

Siembra temprano y cogerás paja y grano.

(Refranes y Proverbios, pág. 20)

Dale un dedo y se tomará el brazo.

(Refranes y Proverbios, pág. 18)

Имеет место некоторое различие в значениях формы будущего в зависимости от синтаксических конструкций, включающих рассматриваемую форму. В независимых предложениях форма будущего обозначает обобщенные выводы из формально невыраженных посылок. Футуральный признак здесь почти полностью нейтрализован. В условных конструкциях, в отличие от независимых, хотя форма будущего в общем контексте и выражает вневременное значение, признак будущего здесь не полностью нейтрализуется; форма сохраняет значение следования за другим действием. (См. вышеупомянутые примеры.) Это объясняется тем фактором, что между частями сложных конструкций имеют место причинно-следственные отношения, предполагающие и временную последовательность, в связи с чем форма будущего (используемая в главной части и выражающая следствие) содержит в себе значение будущего. В то же время здесь этот признак не является ведущим.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. М., 1972.
- Виноградов В. В. Русский язык. Изд. второе. М., 1972.
- Думбрэвяну И. М. Грамматическое выражение категорий будущего времени в современном испанском языке. К. Д., М., 1971.
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
- Колотова М. В. Модальные значения будущего простого и будущего сложного в современном французском языке. К. Д., М., 1953.
- Швиркова Л. Л. Морфолого-сintаксические особенности законодательных документов на материале испанского языка. К. Д., М., 1974.

- Academia Española. Esbozo de una nueva gramática española. Madrid, 1973.
- Bolinger D. The future and conditional of probability. Hispania, Baltimore, 1946, vol. XXIX.
- Cisneros J. Lengua y estilo. Lima, 1962.
- Meier H. Futuro y futuridad. "Revista de filología española". Madrid, t. XLVIII, 1965.
- Criado de Val M. Fisonomía del idioma español. Madrid, 1954.
- Gili y Gaya S. Curso superior de sintaxis española. La Habana, 1968.
- Rosa Pons J. Introducción a la gramática. La Habana, 1968.

Цитируемые материалы исследования и принятые сокращения

- Aguilera Malta D. La isla virgen. Guayaquil, 1942. "Antología del cuento hispanoamericano" (De M. del Carmen Garcini). La Habana, 1963. — (A.C.H.).
- Artiles F. Adriana en dos tiempos. La Habana, 1972.
- Azuela M. Los de abajo. La Habana, s. a.
- Baroja P. El laberinto de las sirenas. Madrid, 1962.
- Bravo A. Muertos. Lima, 1943.
- Bruno G. Elementos de álgebra. Madrid, 1958.
- Cabrera y Felipe J. Introducción a la física teórica. Zaragoza, 1958.
- Casona A. Obras completas (t. I, II). Madrid, 1961.
- "Cuentos españoles". (Selección y prólogo de Ezequiel Vieta), La Habana, 1968. — (C. E.).
- "Cuentos españoles de autores contemporáneos" (De Y. Carmen de Battle). París, 1930.
- Gil Gilbert E. Nuestro pan. Guayaquil, 1942.
- González de Casvorro R. Arboles sin raíces. Teatro. La Habana, 1960.
- Icaza J. Huasipungo. La Habana, 1966.
- Lorca García F. Obras completas. Madrid, 1955.
- Piñeiro A. El descanso. La Habana, 1962.
- "Refranes y proverbios rusos y españoles". (Сост. В. С. Золотницкий). М.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

Л. Д. ЧЕРВЯКОВА

При решении вопроса о том, является ли то или иное словосочетание слов фразеологической единицей или свободным словосочетанием, необходимо учитывать, что фразеологические единицы имеют свои отличительные признаки: семантическую и структурную цельность сочетания слов при их раздельнооформленности, способность выделять отдельные компоненты словосочетания, идиоматичность значения или переосмысление целого сочетания и его части, ограниченность или невозможность синтаксического распространения или замены компонентов и наличие застывших, лишь в некоторых случаях варьирующихся, грамматических форм компонентов.

В лингвистике довольно часто термин «устойчивые словосочетания» употребляется синонимично терминам «несвободные», «фразеологические» или «идиоматические» сочетания¹. Вряд ли целесообразно рассматривать устойчивые сочетания как одну из разновидностей фразеологических сочетаний, руководствуясь тем принципом, что «все устойчивые сочетания относятся к фразеологическим, но не все фразеологические сочетания являются устойчивыми, то есть имеют высокую степень устойчивости»², под которой понимается степень вероятности, с которой тот или иной элемент предполагает совместное появление остальных элементов всего сочетания. Так как устойчивые словосочетания рассматриваются как единицы,

¹ Мельчук И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность». — «Вопросы языкознания», 1960, № 4.

² Кунин А. В. Английская фразеология. М., 1970, гл. IV, с. 81—86.

существующие в языке в готовом виде, а не создаваемые в речи каждый раз заново, то целесообразнее исходить из устойчивости существования всей единицы в целом, учитывая, безусловно, структурные и семантические особенности ее членов с точки зрения степени взаимозаменяемости и взаимообусловленности компонентов.

Устойчивость присуща всем устойчивым словосочетаниям, однако наличие или отсутствие переносного значения отдельных элементов словосочетания или словосочетания в целом позволяет провести границу между видами устойчивых словосочетаний и выделить три основные группы: 1) идиомы; 2) устойчивые словосочетания с переосмыщленным значением одного или нескольких компонентов и 3) устойчивые словосочетания без переосмыслиения значения компонентов.

Идиоматичность иногда определяется как «мера неделимости сочетаний, как показатель утраты свободы специфических трансформаций и как результат утраты такой свободы — наличие переносного образного значения слов у сочетания»¹. Однако наличие образного, переносного значения слова в большой степени присуще второй группе словосочетаний, в которых, в отличие от идиом, не все члены словосочетания обладают переносным значением. В данном случае правильнее было бы говорить о переносном, образном значении всего словосочетания.

Семантическая неделимость идиом ведет к их синтаксической неделимости. Например, словосочетание *to pull ones'ieg* выражает одно семантическое понятие и может быть соотнесено с одним словом *to pock*, то есть семантическая спаянность компонентов идиомы подтверждается субSTITУцией слова. Идиомы, выступая в качестве эквивалента слова, в отличие от самого слова, являющегося морфологически слитным целым, имеют синтаксическое строение, то есть их компоненты не слиты, как морфемы, в лексеме, а только соединены синтаксическими связями и сохраняют свою конструктивную функцию, которая заключается в соединении слов идиомы друг с другом, в сцеплении их в единый синтаксический комплекс. Логическая (смысловая) функция синтаксических отношений между компонентами идиомы утрачивает свою интенсивность, то есть предметно-логическое значение компонентов идиомы ослаблено, конкретное содержание связи между словами становится несущественным для коммуникации.

¹ Мещерякова М. П. Сказуемое, выраженное устойчивыми словосочетаниями в современном английском языке. АКД., М., 1965.

С точки зрения образности идиомы неоднородны: некоторые из них сохранили ясно ощущимый образ, который связывает в нашем сознании буквальное значение словосочетаний с переносным; в других идиомах образ стерт и для его восстановления требуется экскурс в историю. Иногда устойчивые словосочетания приобретают образность вследствие употребления в переносном значении всего словосочетания при сохранении основных лексических значений его компонентов (*to put one's nose down on smb.'s trail*). Несомненно, что идиомы — наиболее спаянный семантически вид устойчивых словосочетаний, однако при отсутствии возможности лексической замены компонентов в силу полного переосмысливания всего словосочетания в целом появляется возможность изменения грамматической формы компонентов. Например, идиома *to pull one's leg* может иметь форму «*could he be slightly pulling her leg?*» Очевидно, существуют случаи, когда от глагольной фразеологической единицы по конверсии образуется новая фразеологическая единица¹.

В устойчивых словосочетаниях второй группы конкретизируется и уточняется переносное значение какого-либо компонента. Переносное значение компонента становится устойчивым в силу ограниченности употребления компонента словосочетания в этом значении только в определенном кругу других слов.

Переосмысливание словосочетания происходит за счет появления одного из компонентов в переносном значении. Одни слова образуют весьма незначительное количество переменных словосочетаний по одной из существующих для них структурно-семантических моделей, другие при всех ограничениях, накладываемых на сочетаемость разными факторами, все же допускают некоторое разнообразие лексических напоминаний, что отчетливо видно на примере двух рядов словосочетаний: I — *to bear a grudge, malice, scorn* и II — *to raise a question, a problem*.

Какую из этих групп отнести к устойчивым словосочетаниям, предполагающим некоторое варьирование субстантивного компонента внутри структурно-семантической модели, а какую — к переменным словосочетаниям с ограниченностью вариантов?

Язык в силу определенного направления человеческой мысли имеет тенденцию развиваться от конкретного к абстрактному. Глаголы *to bear* и *to raise* имеют прямые буквальные значения, реализующиеся в словосочетаниях с конкретны-

¹ См.: Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М., 1972.

ми существительными, например *to bear fruit, children* и *to raise a hat, a hand, a head*. Эти глаголы образуют и другие словосочетания, где они реализуют образные значения. Образность сигнализируется соединениями, в которых эти глаголы сочетаются с абстрактными существительными, выражающими идеи, понятия, чувства. Одной из причин возникновения устойчивых словосочетаний второй группы является употребление одного из компонентов словосочетания в необычном для него значении по сравнению с его основным предметно-логическим значением, вытекающим из наличия контекстуальной связности. Значения глаголов *to bear* (питать, испытывать) и *to raise* (ставить на повестку дня, подвергать обсуждению) являются необычными по сравнению с их основными предметно-логическими значениями. С этими глаголами может сочетаться вся семантическая группа существительных. Однако оба этих факта не решают вопроса отнесения первой группы сочетаний к переменным, а последующей — к устойчивым. Решающим фактором в данном случае является наличие образного значения, возникающего у приведенных глаголов в сочетании с абстрактными существительными.

В словосочетаниях третьей группы, то есть словосочетаниях без переосмысления, причина устойчивости на семантическом уровне заключается в семантическом свидетельстве в значении целого по сравнению с буквальным значением входящих в словосочетания компонентов. Сдвиг может иметь место: а) в сторону сужения целого значения по сравнению с буквальным значением компонентов (*the Church of England*) и б) в сторону возникновения специфического терминологического значения на основе буквальных значений слов-компонентов (*balance of trade, the act of settlement*).

К этой же группе относятся и словосочетания с единичной сочетаемостью, в которых буквальное значение компонентов расширяется за счет созданного эмоционального оттенка (*to shrug one's shoulders*). Ведущий компонент в таких сочетаниях сохраняет свое прямое номинативное значение, но конструктивно оно обусловлено благодаря тому, что сочетаемость зависит не только от принадлежности слов к тем или иным грамматическим категориям, а и от связи этих слов с такими семантическими группами, которые обладают устойчивым типом конструкции¹.

Для таких сочетаний с конструктивно-обусловленным значением фразеологическая спаянность необязательна. Сочетания этого типа в силу традиционности своего употребления

¹ См.: Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. — «Вопросы языковедения», 1953, № 5.

вносятся в речь в готовом виде, и здесь вступает в силу критерий взаимозаменяемости и взаимообусловленности.

В методической литературе накоплен достаточный материал, относящийся к проблеме типологии устойчивых словосочетаний как объекту усвоения. Лингвостатистический анализ устойчивых словосочетаний позволяет отобрать и промоделировать наиболее распространенные структуры, под которыми понимаются синтаксические модели, являющиеся основой восприятия, узнавания и понимания устойчивых словосочетаний. Искусственные модели помогают наглядно показать состав и формальные признаки устойчивых словосочетаний, которые могут служить визуальными ключами, способствующими пониманию: а) принадлежности ядерных компонентов словосочетаний к частям речи, б) их морфологических и синтаксических функций и трансформационных связей, в) наличия строевых слов (например, предлогов), г) методических характеристик устойчивых словосочетаний, обусловленных их лингвистической природой.

Основная задача каждой разработки типологии устойчивых словосочетаний заключается в создании благоприятных условий для снижения трудностей усвоения, в установлении классов устойчивых словосочетаний по лингвистическим типам, в определении трудностей их усвоения, а также в такой организации и презентации устойчивых словосочетаний, которая позволяет максимально повысить эффективность их распознавания и понимания, вскрыть и свести до минимума абсолютные и относительные трудности устойчивых словосочетаний.

Под абсолютными трудностями понимаются также параметры устойчивых словосочетаний, которые существуют и действуют на восприятие постоянно как объективная реальность¹. К ним относятся структурные трудности и трудности понимания. Среди структурных трудностей устойчивых словосочетаний обращают на себя внимание многокомпонентность и раздельнооформленность структуры, длина, формальное сходство их структуры с другими структурами и функционирование устойчивых словосочетаний.

Из психологии известно положение о том, что запоминание управляет образом объекта. Устойчивое словосочетание предстает для наблюдения с формальной стороны. Именно структура устойчивого словосочетания становится объектом изучения при его восприятии.

¹ См.: Гнаткевич Ю. В. Методическая типология пассивной лексики. К. Д., Киев, 1971.

Длина устойчивого словосочетания всегда больше длины слова. Зависимость трудности слова от формальных символов, а следовательно, и от количества содержащейся в нем информации, тесно связана с эффектом восприятия и последующим запоминанием устойчивого словосочетания.

Как известно, наличие грамматических омонимов приводит к ошибкам в узнавании языковых явлений и тем самым к их неправильному пониманию. Устойчивые словосочетания, будучи внешне похожими на свободные, выглядят знакомыми структурами, и их формальные свойства составляют преграду для успешного восприятия и понимания синтаксической структуры предложения.

В предложении устойчивые словосочетания могут выступать в разных функциях и употребляться в различных временных формах. На синтаксическом уровне устойчивые словосочетания имеют определенную стабильность функционирования в предложении, которую можно сформулировать с достаточной точностью для каждой структуры предложения, так как именным и глагольным компонентам устойчивых словосочетаний в предложении отведено довольно постоянное место.

В плане трудности понимания устойчивые словосочетания имеют свою специфику, так как сумма значений их компонентов далеко не всегда равна значению всего сочетания.

Степень десемантизации глагольного компонента, мотивированность именного компонента, наличие предлога, конкретность или абстрактность именного компонента и совпадение или несовпадение объема значений устойчивых словосочетаний в родном и иностранном языках, например, постоянно и объективно существуют вне нашего сознания и определенным образом характеризуют понятийную сторону устойчивого словосочетания. Чем больше десемантизация глагольного компонента, тем труднее восприятие словосочетания. При полной десемантизации глагольного компонента именной компонент, образованный от корня, семантическая связь с которым утеряна, может стать носителем семантики устойчивого словосочетания. Увеличение длины словосочетания за счет предлога не только осложняет его структуру, но и отрицательно сказывается на его восприятии и понимании. Устойчивые словосочетания, в состав которых входят существительные с конкретным значением, труднее для понимания. Наличие полных или даже частичных семантических и структурных аналогов устойчивых словосочетаний в родном языке до некоторой степени обусловливают их семантическую прозрачность.

Немаловажную роль в понимании устойчивых словосочетаний играют и относительные их трудности, связанные с пси-

холого-педагогическими особенностями и закономерностями их узнавания, понимания и запоминания. Как правило, относительные трудности связаны с формой в равной степени, как и с содержанием самих словосочетаний.

Объект исследования в данном случае переносится в непосредственный процесс преподавания, в условия, когда в центре внимания становятся конкретные субъекты.

Понимание устойчивых словосочетаний зависит от глубины и четкости восприятия.

Все процессы восприятия обязательно являются опознавательными или включают элементы опознавания. Сигнальные характеристики устойчивых словосочетаний могут быть различны для различных субъектов или для одного и того же субъекта в разных условиях. Мнемические действия создают мнемосхему запоминаемого материала. Чем качественнее мнемосхема, тем продуктивнее запоминание и дальнейшее воспроизведение.

Без распознавания и понимания структуры устойчивого словосочетания не может быть понимания его содержания. Однако не каждый субъект может легко и свободно собрать разрозненные компоненты в одну общую структуру и воссоздать модель устойчивого словосочетания в готовом виде, преодолев при этом четыре ступени относительных трудностей устойчивых словосочетаний в зависимости от их структуры:

а) более легкими для распознавания и понимания на уровне формы являются устойчивые словосочетания, выполняющие функцию сказуемого, выраженного в простой временной форме, а также включающего форму инфинитива; очевидно, синтаксические омоструктуры служат здесь надежной опорой в процессе распознавания;

б) относительно трудными являются устойчивые словосочетания в функции сказуемого в перфектной форме или в форме будущего времени;

в) более трудные — устойчивые словосочетания в составе инфинитивных групп;

г) очень трудные — устойчивые словосочетания, включенные в распространенные определения и причастные конструкции.

На понятийном уровне при оценке характера относительных трудностей устойчивых словосочетаний большое значение имеет такая мыслительная деятельность субъекта, как догадка, процесс которой основан на построении смысловых связей, образующихся по принципу условного рефлекса. При этом не последнюю роль играет наличие в речевом опыте субъекта

слов, принадлежащих к тому же корню, что и именной компонент устойчивого словосочетания.

Модели устойчивых словосочетаний с малой степенью десемантизации глагольного компонента, связью именного компонента с корнем и совпадением объема значений не представляют особой трудности в понимании.

Модели средней трудности содержат только два из трех вышенназванных признаков, и самые трудные модели имеют лишь один из этих признаков и рассматриваются как фразеологические единицы.

ВЫВОДЫ

1. Проблема сочетаемости — одна из основных задач лексикологии. Выяснение сочетаемости наиболее употребительных слов приводит к установлению лексических и грамматических связей слов и классов слов. Это способствует овладению системой языка, созданию ясной картины его функционирования во всем его многообразии.

2. Устойчивые словосочетания имеют свои ярко выраженные отличительные особенности: семантическую и структурную цельность сочетания слов при их раздельнооформленности, способность выделять отдельные компоненты словосочетания, иднотичность значения и переосмысление целого сочетания или его части, ограниченность или невозможность синтаксического распространения или замены компонентов и наличие застывших грамматических форм компонентов, которые могут варьироваться лишь в единичных случаях.

3. Наличие или отсутствие переносного значения отдельных компонентов словосочетания позволяет провести грань между различными видами устойчивых словосочетаний и подразделить их на идомы, устойчивые словосочетания с переосмыслением того или иного компонента и устойчивые словосочетания без переосмысления значения отдельных компонентов.

4. Устойчивые словосочетания как объект усвоения обладают абсолютными и относительными трудностями, связанными с их структурой и семантической характеристикой.

5. Лингвостатистический анализ устойчивых словосочетаний позволяет отобрать и промоделировать наиболее распространенные структуры (синтаксические модели), являющиеся основой восприятия, узнавания и понимания устойчивых словосочетаний.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Л. Л. ШВЫРКОВА

В советских и зарубежных грамматиках и учебниках по испанскому языку уделяется мало внимания вопросам употребления форм будущего времени сослагательного наклонения. Объясняется это тем, что данные формы используются главным образом в официально-деловом стиле современного испанского языка. Однако в этом стиле, точнее в одной из его разновидностей — подсистеме законодательных документов, формы будущего времени сослагательного наклонения находят довольно широкое применение. Поэтому для правильного понимания статей кодексов и конституций Испании и стран Латинской Америки, официальным языком которых является испанский, и для правильного их перевода на русский язык необходимо знать, что представляют собой эти формы, в каких случаях они употребляются, с какими модально-временными формами вступают в синонимические отношения и какую коммуникативную нагрузку несут в подсистеме законодательных документов. Рассмотрению этих вопросов и посвящается настоящая статья.

Испанские грамматисты относили и относят формы на -ge к субхунтиво, однако возможность использования их только в придаточных предложениях, вернее в определенных типах придаточных — условных, определительных и обстоятельства времени, приводит к тому, что некоторые лингвисты их выделяют в особую разновидность субхунтиво, называя ее «ги-

потетическим субхунтиво» (*subjuntivo hipotético*)¹ или «гипотетическим будущим» (*futuro hipotético*)² из-за «постоянного» или «наиболее частого» употребления в придаточных условных предложениях. Х. Сехадор и Фраука считают неправомерным называть рассматриваемые формы «гипотетическим, или условным, субхунтиво», мотивируя тем, что они используются не только в придаточных условных предложениях, но и в придаточных определительных и обстоятельства времени, и называют их «потенциальным, или контингентным, будущим» (*futuro polencial o contingente*)³.

Советский лингвист Э. Ф. Бубновская, основываясь на том, что в придаточных условных предложениях формы на -ge выражают реальную модальность, полностью отрицает их гипотетический характер, считает, что они не имеют никакого отношения к субхунтиво, и предлагает изменить в грамматиках название *«futuro de subjuntivo»* на *«futuro subordinado de indicativo»* или *«futuro exacto de indicativo»*⁴.

Точка зрения Х. Сехадор и Фраука представляется более обоснованной, так как в подсистеме законодательных документов современного испанского языка формы простого и сложного будущего даже несколько чаще фигурируют в придаточных определительных предложениях, чем в условных⁵, поэтому их нельзя относить только к «условному субхунтиво». Вместе с тем трудно согласиться с Э. Ф. Бубновской, которая полностью отрицает гипотетичность этих форм. В придаточных условных предложениях, относящихся к плану будущего, они выступают именно в значении будущего гипотетического⁶.

¹ Bello A. Obras completas, t. IV, Gramática, Caracas, 1951, pág. 141. Estudios gramaticales. Análisis ideológico de los tiempos de la conjugación castellana. Caracas, 1951, pág. 30; Bello A. y Cuervo R. Gramática de la lengua castellana. Buenos Aires, 1945, pág. 217.

² Criado M. de Val. Análisis verbal del estilo. Madrid, 1953, pág. 69; Hassen F. Gramática histórica de la lengua castellana. Buenos Aires, 1945, pág. 214; Alonso del Río J. Gramática española. Madrid, 1953, pág. 49; Keniston H. The Syntax of Castilian Prose: The Sixteenth Century, vol. I. Chicago, 1937, pp. 31—32.

³ Cejador J. y Frausa. La lengua de Cervantes, t. I, Gramática. Madrid, 1905, pag. 259.

⁴ См.: Бубновская Э. Ф. Из истории грамматических учений о со слагательном наклонении в испанском языке, — «Вестник ЛГУ», серия ист. яз. и лит-ры, 1971, вып. 2, № 8, с. 117.

⁵ Подробнее см.: Швыркова Л. Л. Морфолого-синтаксические особенности законодательных документов (на материале испанского языка). К. Д., М., 1974, с. 175.

⁶ Под термином «будущее гипотетическое» понимается «сказуемое условного придаточного предложения со значением будущего времени изъявительного наклонения». См.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 68.

Что же касается названия форм, то (хотя мы полностью разделяем точку зрения Э. Ф. Бубновской относительно индикативной модальности, выражаемой ими) более целесообразно не изменение термина, укоренившегося в грамматиках испанского языка Испании, Латинской Америки и других стран, а подробное описание форм будущего субхунтиво.

Обе формы будущего времени субхунтиво продолжают, как уже упоминалось, широко использоваться в подсистеме законодательных документов. Форма простого будущего иногда встречается в художественной литературе и в прессе (главным образом в текстах, связанных с изложением каких-либо юридических положений). Приведем примеры.

Amanece. ¿Venís también vosotros? Dejad, entonces, a un lado toda pereza. Habrá que andar mucho, sentir mucho y pensar mucho. Pero verá y comprenderá muchas cosas quien **viniere**. Y vale la pena, os lo aseguro (T. Salvador. Cuerda de presos. Barcelona, 1967, pág. 49).

Después de un amplio estudio ... el Banco Nacional de Cuba dictó la Instrucción No. 169, de abril 24 de 1974 ... Su objetivo fundamental es determinar la procedencia y forma de recuperación de dichos adeudos y eventualmente su cancelación, si **procediere** en casos justificados, según el análisis conjunto de las tres entidades mencionadas (Granma. La Habana, 8 de mayo de 1974, pág. 3).

По свидетельству некоторых авторов¹, формы будущего субхунтиво сохранились даже в разговорной речи отдельных районов Латинской Америки.

Рассматриваемые формы употребляются в следующих случаях:

1. В придаточных определительных предложениях, относящихся к слову, выражающему не конкретный предмет, лицо или понятие, а класс однородных предметов или лиц, то есть общее понятие как таковое, например:

Tampoco podrá prolongarse la prisión preventiva por más tiempo del que como máximo fije la ley al delito que motive el proceso (C. de M., 136).

La parte que hubiere aceptado la oferta ignorando la retractación del proponente, su muerte o incapacidad sobreviniente ya consecuencia de su aceptación hubiese hecho gastos

¹ Alarcos Llorach E. Estudios de gramática funcional del español. Madrid, 1970, pág. 68; Kany Ch. American-Spanish Syntax. Chicago, 1945, p. 185.

o sufrido pérdidas, tendrá derecho a reclamar pérdidas o intereses (CC de A., 283).

2. В придаточных условных предложениях индикативной модальности, в которых выражается реально выполнимое условие в качестве предпосылки какого-либо реального факта в настоящем или будущем, например:

Si algún juez o Tribunal estimare que debe dictar auto de procesamiento contra un Diputado, **lo comunicará** así al Congreso, exponiendo los fundamentos que considere pertinentes (C. de Esp., 666—667).

Son atribuciones y facultades de la Junta Central de Conciliación y Arbitraje en pleno: ... II.— Conocer y resolver en arbitraje las diferencias o conflictos a que se refiere la fracción procedente, cuando no se hubiere obtenido un arreglo entre las partes (LF, 212).

3. В придаточных предложениях обстоятельства времени плана будущего.

Estas acusaciones podrán interponerse mientras el Ministro estuviere en funciones y en los tres meses siguientes a la expiración de su cargo (C. de Ch., 15).

Pero si el crimen o delito fuere cometido cuando el Congreso hubiere clausurado sus sesiones, se procederá libremente al injuiiciamiento del Senador o Diputado (C. de Ec., 23—24).

Форма простого будущего субхунтиво выражает незавершенное действие, одновременное или предшествующее действию главного предложения в плане настоящего и будущего. В придаточных предложениях определительных, условных, вводимых союзами cuando, siempre que, a no ser que и др., и обстоятельства времени простое будущее выступает контекстуальным морфологическим синонимом¹ настоящего субхунтиво.

Обратимся к примерам.

La mayor edad habilita, desde el día que comenzare, para el ejercicio de todos los actos de la vida civil, sin depender de formalidad alguna o autorización de los padres, tutores o Juecas (CC de A., 81).

¹ Под «контекстуальными морфологическими синонимами» понимаются «разные, но однородные грамматические формы, сближающиеся под давлением контекста в одном из своих грамматических значений». См. Шендель с Е. И. Понятие грамматической синонимии. — «Филологические науки», 1959, № 1, с. 81.

Si el matrimonio fuese anulado, la emancipación será de ningún efecto **desde el día** en que la sentencia de nulidad pase en autoridad de cosa juzgada (CC de A., 82).

El Presidente de la Junta será sustituido en sus faltas por el Secretario General, **cuando lo hubiere**; en caso contrario o bien **cuando falten** el Presidente y el Secretario General, la sustitución se hará por los Secretarios de los Grupos Especiales en su orden numérico (LF, 228).

В придаточных условных предложениях, вводимых союзом *si*, форма простого будущего субхуитиво употребляется синонимично форме настоящего времени индикатива.

Приведем примеры.

Si el robo **se ejecutare** con violencia, a la pena que corresponda por el robo simple se agregarán de seis meses a tres años de prisión. Si la violencia **constituye** otro delito, se aplicarán las reglas de la acumulación (CC de A., 109).

Простое будущее субхуитиво на русский язык обычно переводится настоящим временем изъявительного наклонения, например:

Si la Cámara revisora **insistiere**, por la mayoría absoluta de votos presentes, en dichas adiciones o reformas, todo el proyecto no volverá a presentarse sino hasta el siguiente período de sesiones ...

(C. de M., 177)

Если вторая Палата абсолютным большинством голосов присутствующих членов **настаивает** на упомянутых дополнениях или поправках, проект в целом не получит дальнейшего движения до следующей сессии...

Форма простого будущего может также переводиться будущим временем изъявительного наклонения, правда, в этом случае в испанском тексте должны быть, как правило, дополнительные лексические индикаторы, показывающие, что действие будет иметь место в будущем.

Обратимся к примерам.

Los templos que **en lo sucesivo se erigieren** para el culto público, serán propiedad de la nación.

(C. de M., 144)

Храмы, которые **будут построены** (в дальнейшем) для публичного богослужения, становятся собственностью государства.

Los propietarios afectados con resoluciones dotarias o restitutorias de ejidos o aguas, que se hubiesen dictado en favor de los pueblos, o que **en lo futuro se dictaren**, no tendrán ningún derecho, ni recurso legal ordinario, ni podrán promover el juicio de amparo.

(C. de M., 152).

Землевладельцы, интересы которых затрагиваются решениями о предоставлении или возвращении земель или вод, принятыми в пользу общин, или такими решениями, которые будут **приняты в дальнейшем**, не могут требовать судебного разбирательства дела и не могут прибегнуть к приказу о защите прав.

Форма сложного будущего субхунтиво выражает завершенное действие, всегда предшествующее действию главного предложения в плане будущего. В придаточных определительных предложениях; придаточных условных, вводимых союзами *cuando, siempre que, a no ser que* и т. п., и придаточных предложениях обстоятельства времени сложное будущее выступает контекстуальным морфологическим синонимом **сложного прошедшего субхунтиво**.

Примеры:

Mientras se produzca esa designación, ejercerá la Presidencia de la República la persona que **hubiere elegido** el Senado para la Presidencia de la Suprema Corte de Justicia ... (C. de R. D., 9).

La capacidad civil de las corporaciones se regulará por las leyes que las **hayan creado o reconocido** (CC de H., 29).

Los diputados suplentes podrán ser electos para el período inmediato con el carácter de propietarios, **siempre que no hubieren estado en ejercicio** (C. de M., 228).

Queda prohibido respecto de las mujeres; ... II.— La ejecución de labores peligrosas o insalubres, salvo cuando a juicio de la autoridad competente **se haya tomado** todas las medidas e instalado todos los aparatos necesarios para su debida protección (LF, 80—81).

В придаточных условных предложениях, вводимых союзом *si*, сложное будущее субхунтиво используется синонимично **сложному прошедшему индикатива**.

Si el usufructario **se hubiere negado** a contribuir al seguro constituyéndolo por sí sólo al propietario, percibirá éste íntegro el precio del seguro, en caso de siniestro (CC de G., 57).

Si se constituye el usufructo a favor de varias personas simultáneamente, sea por herencia o por contrato, no hay derecho

de acrecer, si el constituyente no la ha establecido clara y expresamente (CC de G., 50).

Сложное будущее субхунтиво обычно переводится на русский язык прошедшим временем изъявительного наклонения.

Обратимся к примерам.

La falsificación hecha por un mexicano en otro país, de moneda extranjera que no tenga circulación legal en la República, se sancionará en ésta con seis meses a cinco años de prisión, si la nación ofendida reclamare y no hubiere sido castigado en ella.

(CP de M., 79).

En el mes siguiente al parto (las mujeres) disfrutarán forzosamente de descanso, debiendo percibir su salario íntegro y conservar su empleo y los derechos que hubieren adquirido por su contrato.

(C. de M., 233).

Подделка мексиканцем за границей иностранных денег, не имеющих оборота в республике, наказывается тюремным заключением сроком от шести месяцев до пяти лет, если страна, в которой совершена подделка, заявляет об этом и если преступник не был там наказан.

В течение месяца после родов они (женщины) обязательно пользуются отпуском с сохранением полной заработной платы, а также места работы и всех прав, приобретенных ими (которые были приобретены ими) по договору.

Итак, формы будущего времени субхунтиво используются в подсистеме законодательных документов современного испанского языка в трех типах придаточных предложений (определительных, условных, обстоятельства времени) в индикативном значении. Форма простого будущего выступает контекстуальным морфологическим синонимом настоящего времени субхунтиво, а форма сложного будущего — сложного прошедшего субхунтиво. В придаточных условных предложениях после союза *si* простое будущее употребляется синонимично настоящему индикатива, а сложное — сложному прошедшему индикатива.

В подсистеме законодательных документов обе формы несут дополнительную коммуникативную нагрузку — придают изложенному оттенок торжественности и официальности.

Цитируемая литература и принятые сокращения

- C. de Ch. — Constitución Política de la República de Chile, Santiago de Chile, 1966.
- C. de Ec. — Constitución Política de la República de Ecuador, Ecuador, Colección de leyes fundamentales de la República de Ecuador, 1960.
- C. de Esp. — Constitución de la República Española, Colección de leyes fundamentales, Zaragoza, 1957, págs. 656-679.
- C. de M. — Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, Mexico, 1957.
- C. de R.D. — Constitución de la República Dominicana, 1963.
- CC. de A. — Código Civil de la República Argentina, Madrid, 1960.
- CC de G — Código Civil de Guatemala, Madrid, 1966.
- CC de H. — Código Civil de Honduras, Honduras, 1949.
- CP de M. — Código Penal, México, 1954.
- LF — Ley Federal del Trabajo Reformada, México, 1954.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Бубновская Э. Ф. Из истории грамматических учений о сослагательном наклонении в испанском языке. — «Вестник ЛГУ», серия ист. яз. и лнт-ры, 1971, вып. 2, № 8.

Швыркова Л. І. Морфолого-синтаксические особенности законодательных документов (на материале испанского языка). К. Д., М., 1974.

Alarcos Llorach E. Estudios de gramática funcional del español, Madrid, 1970.

Alonso del Río J. Gramática española. Madrid, 1953.

Bello A. Obras completas, t. IV, Gramática, Caracas, 1951; Estudios gramáticos. Análisis ideológico de los tiempos de la conjugación castellana. Caracas, 1951.

Bello A. y Cuervo R. Gramática de la lengua castellana. Buenos Aires, 1945.

Cejador y Frauca J. La Lengua de Cervantes, t. I, Gramática. Madrid, 1905.

Hanssen F. Gramática histórica de la lengua castellana. Buenos Aires, 1945.

Kany Ch. American-Spanish Syntax. Chicago, 1945.

Keniston H. The Syntax of Castilian Prose: The Sixteenth Century, vol. I. Chicago, 1937.

Val M. Criado de. Análisis verbal del estilo. Madrid, 1953.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Сахадзе. К вопросу о французском арго	3
А. Г. Назарян. О некоторых проблемах французской фразеологии	12
А. В. Синявский. Метафорическое употребление названий животных в чилийском варианте испанского языка	25
Н. М. Фирсова. К вопросу о форме «habré amado» в современном испанском языке	43
Н. М. Фирсова. Некоторые частные значения будущего простого в современном испанском языке	50
Л. Д. Червякова. К вопросу о типологии устойчивых словосочетаний	60
Л. Д. Шыркова. Употребление форм будущего времени сослагательного наклонения в современном испанском языке	68
